

ЕРОИ НОВЫЕ СУПЕРГЕРОИ НОВЫЕ

Вадим
Полищук

Возвращение республиканца

Ты записался добровольцем?
Нет? Ну и правильно.

Республиканец

Вадим Полищук

Возвращение республиканца

«ЭКСМО»

2011

Полищук В.

Возвращение республиканца / В. Полищук — «Эксмо»,
2011 — (Республиканец)

Вольдемар Дескин снова в бою! В какие бы ситуации он ни попадал, какие испытания ни подбрасывала бы ему судьба – капитан второго ранга космofлота межзвездной Республики всегда найдет выход из положения. Закончилась затяжная война между Республикой и Империей, и, казалось бы, вот он – шанс. Получи теплое местечко и живи себе спокойно, не думая о хлебе насущном. Но капитан Дескин не таков. Какая-то внутренняя пружина не позволяет ему усидеть на месте и направляет во все новые и новые переделки. Мало ему показалось быть бойцом Республики, он, испробовав себя то на одном, то на другом поприще, полез в политику... А результат? Памятник на Аллее Героев столичного кладбища. Но кто сказал, что там покоится Вольдемар Дескин?

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вадим Полищук

Возвращение республиканца

Барак был огромным, в длину метров сто, а может, и больше – кто его мерил? Еще десять-двенадцать метров приходилось на его ширину, а вот высота была известна точно – два метра двадцать сантиметров. В эти две целых две десятых метра втиснули трехэтажные пластиковые нары, на которых и ютились обитатели этого ада. Сколько их было? Около двух тысяч, точнее не мог сказать никто, никакого учета не было. Время от времени привозили новых неудачников, а кое-кто из старожилов самостоятельно или с чьей-то помощью заканчивал свое существование в этом мире. Когда соседям по нарам надоедал труп, они вытаскивали его к единственному проходу в проволочном заграждении, откуда его забирала охрана.

Единственное, чего не было, так это побегов: охрана имела дурацкую привычку без лишних разговоров стрелять в тех, кто, по ее мнению, слишком уклонился от обычных маршрутов передвижения по территории, ограниченной проволочным периметром. А маршрутов было всего три. От дверей к водяным колонкам, от дверей к месту раздачи пищи и от дверей к уборной. Огромный сортир представлял собой пластиковую будку, сооруженную над глубокой ямой, вырытой практически по периметру будки и перекрытой несколькими балками. При пользовании сортиром по назначению следовало соблюдать осторожность, самостоятельно выбраться из ямы было невозможно, а помогать упавшему вряд ли кто станет. К тому же по случаю теплой погоды вонь вокруг стояла неимоверная, приближение к пластиковой будке вызывало приступ тошноты у самых небрезгливых. Но деваться было некуда: те, кто пытался сделать дело снаружи, даже не успели пожалеть о содеянном, остальным служили предупреждением несколько маленьких дырочек в стенах.

В бараке основная жизнь кипела под самой яркой лампой, там собралась барачная аристократия. Там круглосуточно играли в карты, ели, пили, ругались, кто-то с кем-то дрался, кого-то били, а иногда и убивали. Там можно было купить водку и даже наркотики – похоже, озабоченная исключением побегов охрана не препятствовала, а скорее содействовала проникновению всего этого в барак. Рядом, огороженный тряпками, располагался барачный гарем со своими «девочками». Обычно услугами гарема пользовалась местная аристократия, но «девочку» можно было купить и человеку со стороны. Платой служила пайка хлеба, выдаваемая один раз в сутки, как правило, утром, но выдачу могли затянуть и до послеполуденного времени. Кроме хлеба дважды в день давали что-то похожее то на кашу, то на похлебку. Для получения пищи у обитателей барака были пластиковые котелки и пластиковые ложки. Утеря котелка была величайшей трагедией, так как лишала возможности существования и переводила человека в разряд доходяг, обреченных на медленное угасание.

Впрочем, «аристократов» такие мелочи не волновали, из них никто от голода не умирал, чаще получали заточку в бок. Остальные обитатели, за исключением приближенных к аристократии, вели себя тихо и старались не попадаться им на глаза. К таким тихоням относились и Сиплый с Сопливым – провинциальные воры, попавшие в столичный барак, а потому не пользовавшиеся авторитетом. Сейчас эта парочка готовилась отойти ко сну и, рассчитывая, что на их разговор никто не обращает внимания, тихонечко переговаривалась. Остаться наедине в бараке было невозможно, поэтому приходилось обходиться иносказаниями.

– Слышь, Сиплый, я слышал, что завтра должны начать, – тихо гундосил один.

– Да знаю уже. Завтра осмотримся, а там... – По голосу было понятно, почему его обладатель получил свою кличку.

В этой парочке мозговым центром был Сиплый. Сопливый обладал большой физической силой и вечно заложенным носом, что и стало причиной клички. Кроме того, у него было

просто звериное чутье на опасность, и его более продвинутый кореш почти всегда доверял инстинкту Сопливого.

– Тогда послезавтра.

– А как твое чутье?

– Молчит.

– Значит, все будет в порядке, – подвел итог Сиплый. – Давай спать.

Мужчина лет двадцати пяти – тридцати, лежавший спиной к говорившим, с трудом сохранил спокойствие. Сердце его радостно затрепетало. Послезавтра.

Глава 1

Бродяга

Громкий свист закладывал уши, видимо, этот свист и заставил Вольдемара прийти в себя. Он практически висел на выступающем из воды камне, прижатый к нему мощным течением горной реки. Об этот камень его и приложил бурный поток, и он чудом не захлебнулся, потеряв сознание. Когда к Вольдемару вернулась способность соображать, он наконец осознал, что источником этого оглушающего свиста являются двигатели атмосферного катера. Самого катера он не видел, но понимал, что тот завис где-то над ним. Сейчас спустятся и вытащат, а потом допросы с применением соответствующих средств...

«Не хочу».

Вольдемар напряг остатки сил, оттолкнулся от камня, и бурный поток, подхватив его, понес дальше.

Лазерный луч оставил отметину на камне там, где за мгновение до этого была голова Вольдемара. На высоте ста метров переглянулись сержант и рядовой ландсвардеец. Вместе они служили уже не один год и поняли друг друга без слов.

– Попал! – провозгласил на весь транспортный отсек катера рядовой.

– Точно в башку! – подтвердил сержант, опуская бинокль.

Они, естественно, не сочувствовали республиканцам, тем более республиканским шпионам, но еще несколько дней лазить по горам им очень не хотелось, а из этого потока еще никто не выбирался живым. Об обнаружении трупа и контрольном выстреле доложили командиру роты. Однако переговоры с катером взял на себя лейтенант, приставленный к роте для координации действий с местной контрразведкой.

– Сержант, вы уверены, что попали?

– Так точно, рядовой Никлаус лучший стрелок во взводе, а я сам наблюдал результат выстрела в бинокль. Попадание точно в голову.

– Хорошо. Пройдите до конца ущелья, посмотрите, может, он опять где-нибудь всплывет, потом возвращайтесь.

– Есть, господин лейтенант.

Сержант был доволен: на атмосферном катере пройти несколько километров ерунда, не то что на своих двоих по горам сутками лазить. В случае обнаружения республиканского шпиона можно будет продырявить еще раз. А если труп и обнаружится кем-то после, и без дырки в голове, то какая разница, попал Никлаус или не попал, труп он и есть труп. В том, что шпиону не удастся выжить в любом случае, сержант не сомневался.

А вот капитан Дескин в этот момент прилагал все силы именно для того, чтобы выжить. Несколько раз его затягивало в глубину, но потом уже теряющего сознание выбрасывало на поверхность, давая сделать спасительный глоток воздуха. Поначалу бороться с потоком не было никакой возможности, сильное течение бросало тело Вольдемара как игрушку. Несколько раз он задевал торчащие из воды камни, но, к счастью, вскользь, кости вроде были пока целы. Постепенно ущелье расширялось, скорость воды становилась меньше, но и сил у Вольдемара уже не осталось. Рано обрадовался и упустил приближающийся камень. Удар. От боли перехватило дыхание, но бурная вода уже несла его дальше. А дальше ему повезло, скальный выступ образовал у правого берега небольшой затончик с почти спокойной водой. У Вольдемара едва хватило сил вытащить из воды избитое о камни тело на этот выступ. Каждый вдох отдавался болью с левой стороны груди, похоже, от последнего удара все-таки пострадали ребра. Только сейчас он понял, как замерз: нижняя челюсть бодро выбивала чечетку, а тут еще новая напасть

– слышался свист двигателей приближавшегося атмосферного катера с местными ландсгардейцами на борту.

Катер, не задерживаясь, просвистел над Вольдемаром и направился дальше по течению. С его борта несколько пар глаз внимательно просматривали русло реки и камни среди бурного потока. Когда катер был совсем рядом, Вольдемар даже перестал дышать, стремясь как можно глубже забиться в щель между двумя камнями. Эта щель оказалась недалеко, и он достиг ее одним рывком, откуда только силы взялись.

– Тело последнего шпиона не обнаружено, дальнейшие поиски теряют смысл, – сообщил контрразведчику командир роты. – Сержант просит разрешения на возвращение катера, у них кончается горючее.

– Хорошо, капитан, пусть возвращаются, – нехотя согласился лейтенант.

Он погонял бы их по горам еще как минимум сутки, но оснований для этого не было. Капитан уже передал доклад сержанта своему начальству, и командование ландсгардии не видело смысла в дальнейших поисках трупа последнего шпиона. А жаль! Жаль, что его не удалось взять живым, он наверняка мог бы рассказать хоть что-нибудь новое, а это новое могло открыть лейтенанту перспективы дальнейшего служебного роста. Лейтенант уже знал, что захваченный агент умер на допросе. Сердце не выдержало лошадиной дозы препаратов, направленных на подавление воли, дополнительно он так ничего и не сказал. Впрочем, и так операция прошла достаточно успешно: агент схвачен, сверхсекретная информация никуда не успела уйти, группа вражеских диверсантов, напавшая на контрразведчиков и убившая двух полицейских и нескольких ландсгардейцев, уничтожена. Операция подходила к завершению.

Тот, кто дышал в лицо Вольдемару, явно не злоупотреблял зубной пастой, прерывистое дыхание было довольно зловонным. Потом по щеке прошло что-то скользкое и шершавое. Вольдемар приоткрыл глаза – клыки впечатляли. Судя по их размерам, собака была далеко не маленькой, а точнее, она была очень большой и лохматой. И плюс ошейник, а если есть ошейник, значит, есть и хозяин. И скоро этот неведомый хозяин придет за своей собакой. Справиться с этой псиной без оружия Вольдемар не сумел бы и в лучшие времена, а сейчас он и двигаться мог с трудом. Оставалось только ждать.

Почти сутки Вольдемар пролежал в расщелине около реки. Резкое движение или даже глубокий вдох причиняли боль, а все тело, казалось, превратилось в сплошной синяк. Медицинских познаний Дескина хватило на диагностирование трещины в ребрах от последнего удара о камень и большого количества гематом, но вроде ничего смертельного. Сильно мучило чувство голода, перебивающее даже боль, но есть было нечего, хорошо хоть с водой проблем не было. Но если уйти от реки, то воды набрать было не во что, а лежать здесь дальше было бессмысленно. Сбравшись с силами и преодолевая боль, Вольдемар сумел взобраться по склону вверх. Здесь силы оставили его, к тому же уже темнело, и он, забравшись в очередную щель, заснул, а утром его разбудило собачье дыхание.

Хозяина этой лохматой зверюги не пришлось ждать долго.

– Балтазар, что ты там нашел?

Пес радостным лаем обозначил место своей находки. Хозяина еще нельзя было назвать стариком, скорее, он был пожилым человеком, лет шестидесяти. Среднего роста, лицо худое, морщинистое и загорелое. Телосложение скрывал просторный плащ, но по горному склону перемещался он довольно резво, помогая себе двухметровым посохом. Когда он увидел лежащего на камнях Дескина, то замер от удивления, а Вольдемар не придумал ничего лучшего, чем сказать:

– Здравствуйте.

– Добрый день, – ответил подошедший, потом рассмотрел Вольдемара внимательнее и добавил: – Предыдущий день был для вас не очень добрым. Это ведь вы стреляли в гвардейцев у нижнего моста?

– А есть еще и верхний? – постарался потянуть время Вольдемар.

– Есть. В десяти километрах выше по реке. Но не пытайтесь меня отвлечь от темы. Ограбили кого-то?

– Нет, я никого не грабил. А у моста был бой. Я стрелял в них, они в меня.

– Не грабил, значит. А акцент у вас какой-то странный, никогда не слышал. Вы случайно не шпион?

К такому вопросу Вольдемар оказался абсолютно не готов, и пока он соображал, как на него ответить, горец сделал свои выводы:

– Значит, и до нас война докатилась, никогда бы не подумал. В новостях только и слышишь: «мы побеждаем, мы побеждаем», а потом находишь республиканского шпиона буквально на пороге собственного дома.

Хозяин Балтазара остановился в двух шагах от Дескина.

– Хорошо вам досталось, – оценил он его состояние. – Ладно, вытаскивать вас отсюда надо в любом случае. Вот только как?

Разница в массе была килограммов тридцать, причем в пользу Вольдемара, но выход нашелся. Горец снял свой плащ, подбитый овчиной, расстелил возле пострадавшего и перекинул его на плащ. При этом поврежденные ребра были задеты, и от вспышки боли Дескин потерял сознание.

Когда Вольдемар пришел в себя, то понял, что он, раздетый, лежит на чем-то мягком. Открыв глаза, увидел над собой бетонную балку и серый пластиковый потолок. Но ни камеру, ни палату тюремной больницы помещение не напоминало. Дескин лежал на обычной кровати, два небольших окна были закрыты обычными стеклопакетами, а за окнами было темно. Без сознания он пробыл весь день как минимум. Превозмогая боль, Вольдемар попытался сесть, но не смог и упал обратно, к счастью, на мягкую подушку.

Хозяин заглянул в комнату минут через тридцать.

– Очнулись. Хорошо, сейчас ужинать будем.

– Подождите, – остановил его Вольдемар. – Почему вы не сдали меня полиции?

– Это долгий разговор, давайте его отложим.

Прошло уже две недели со дня появления Вольдемара в доме Даниэля Хоффмана, пастуха. Ребра почти срослись, но поднимать тяжести было еще рано. В остальном самочувствие Дескина было нормальным. Поначалу его удивил образ жизни хозяина. Всего чуть больше сотни километров от планетарной столицы, а в доме пастуха не было не то что коммуникатора, а даже электричества. Вода – в ближайшем ручье, удобства... да где присел, там и удобства. И никого вокруг. Но постепенно привык, человек ко всему привыкает. Хозяин был малоразговорчив, а точнее, почти совсем не разговаривал с Дескиным, даже имени не спросил. А когда Вольдемар поинтересовался, почему, ответил:

– Зачем? Все равно ведь соврете.

И все же он чем-то отличался от постоянного жителя этих гор, чувствовалась в нем какая-то нездешность.

И однажды Хоффман сам пошел на откровенный разговор со спасенным им человеком.

Вольдемар Дескин и Даниэль, хозяин затерянного в горах домика, полусотни овец и баранов, а также крупной лохматой овчарки Балтазара, сидели на поросшем травой пологом склоне. Ниже по склону паслось стадо Даниэля, а еще ниже Балтазар не давал далеко разбредаться отдельным баранам.

– Почему вы пасете овец? Разве не выгоднее выращивать их на фермах?

– Выгоднее, конечно, – согласился Даниэль. – Но в столичных ресторанах гурманы предпочитают барашков, выращенных в экологически чистых условиях здешних гор. Я, честно говоря, разницы не заметил, наверное, я не гурман. Но за этих баранов другие платят хорошие деньги, поэтому я здесь и пасу стадо.

– Но вы мало похожи на местных жителей, – высказал свое наблюдение Дескин.

– А много вы их видели? Но вы правы. Я не всегда жил здесь.

Голос пастуха перехватило, похоже, Вольдемар задел болезненную тему.

– Если не хотите об этом говорить...

Но Хоффман продолжил:

– Ирония судьбы. Вы, республиканский шпион, единственный, с кем я могу говорить об этом. А ведь почти тридцать лет прошло... Да-а, почти тридцать. Раньше я жил в столице, нет, не в этой, в столице Империи, у меня была семья, работа. Все в прошлом, все рухнуло в один миг.

– Что-то случилось?

– Случилось? Ничего не случилось, я все сделал сам, своими руками.

Даниэль замолчал, а Вольдемар не решился расспрашивать. Но пастух продолжил сам:

– После смерти предыдущего императора у нас появилось два претендента на трон, и я поставил не на ту фигуру. После чего получил массу проблем от политической полиции. В этой игре я был мелкой, очень мелкой сошкой, потому и остался жив, но потерял все. Год я просидел в тюрьме, а когда вышел... Жена меня бросила, дети знать не захотели, друзья отвернулись. И вот я здесь. Пасу баранов, а других людей вижу раз в месяц, в лучшем случае.

– Поэтому вы и не сдали меня полицейским.

– И поэтому тоже. Я ничего не должен ни нынешнему императору, ни его ищейкам. Если вы им нужны, то пусть ищут вас без моего участия. Мне вообще все равно, кто будет сидеть в столице, император, президент или сенат, как у вас. Проиграет Империя войну или выиграет. Я буду жить в этих горах столько, сколько мне осталось, и буду пасти свое стадо.

– Но была еще какая-то причина? – продолжил интересоваться Вольдемар.

– Конечно. До полицейского участка отсюда километров тридцать. Пешком по горам это не меньше суток. А на кого я брошу стадо? Балтазар один не справится.

– Но, помогая мне, вы здорово рискуете.

– Чем? Жизнью? Я не слишком ею дорожу. Балтазара только жалко, такой умной и преданной собаки у меня еще не было.

– Однако загостился я у вас.

– Уходить собираетесь? Подождите, скоро должен приехать грузовик за баранами, можете с ним доехать до города.

– Нет. Лучше уж ножками. Никто не должен знать, что я был у вас, лишний риск.

Через день, когда Вольдемар собрался уходить, Хоффман снял с вешалки у двери пастушеский плащ, такой же, как у него, и протянул Вольдемару:

– Возьмите, думаю, пригодится.

– Спасибо, Даниэль.

– Не благодарите. Вот по этой тропе, никуда не сворачивая. Километров через тридцать будет районный центр, там есть станция монорельса. Прощайте.

– Прощайте.

Уже отойдя от домика пастуха километров на пять, Вольдемар обнаружил в кармане плаща туго набитый мешочек с монетами, последний подарок от Даниэля Хоффмана, местного пастуха, который не всегда жил в этих горах.

* * *

В городок Вольдемар постарался попасть после окончания рабочего дня, когда дневная жара уже спала и народа на улицах прибавилось. Среди идущих людей его пастушеский плащ не то чтобы органично смотрелся, но по крайней мере не вызывал лишних вопросов. Гости с гор в этом провинциальном городке бывали довольно часто, однако в столицу в таком одеянии не сунешься. Первый же патруль обратит внимание, а имевшееся удостоверение пастушеской легенде никак не соответствовало. Поэтому первое, что сделал Вольдемар, – зашел в универсальный магазин, где купил себе рубашку, брюки, куртку и кроссовки. На это ушла большая часть имевшихся в наличии денег, но ничего страшного, год сидеть на этой планете Вольдемар не собирался. Однако, переодевшись, пастушеский плащ он тоже не выбросил: при резко континентальном климате, несмотря на дневную жару, ночи были довольно холодные, легкая куртка могла и не спасти.

Теперь пора было переходить к основной части визита. В том же универмаге Вольдемар наведалься в отдел электроники.

– Мне карту памяти, – обратился он к крупногабаритной продавщице среднего возраста.

– Какую именно? У нас широкий выбор.

Выбор был не то чтобы очень широкий, но для провинциального магазина вполне приличный. Вольдемар прикинул оставшуюся наличность и ткнул пальцем в среднюю по цене и объему памяти карточку.

– Вот эту.

Брать дешевенькую карту он не рискнул, размер файла был неизвестен – вдруг не влезет? Заодно узнал, где находится местное почтовое отделение, но в длинный разговор ввязываться не стал, не стоило привлекать чужое внимание к его нездешнему акценту. Оказалось, что цель его путешествия буквально рядом, на соседней улице. Около часа Вольдемар покрутился около здания почты, сквозь большие окна были видны несколько коммуникаторов, которыми пользовались входившие в здание люди, в основном не местные, судя по виду. Наконец решился и он.

Войдя, Вольдемар, как и остальные, обратился к молоденькой девушке, сидевшей за стойкой. Девушка была хорошенькой, и он с удовольствием пообщался бы с ней не только по поводу коммуникатора, но, как говорится, не в этот раз.

– Мне нужен коммуникатор.

– На какое время? – моментально отреагировала почтовая служащая.

– Тридцать минут.

На всякий случай Дескин назвал завышенное время. Девушка сказала, сколько это будет стоить, и после получения денег сообщила:

– Четвертый коммуникатор, тридцать минут.

Вольдемар задержался у стойки.

– Я могу переписать нужный мне файл?

– Да, конечно. Опасайтесь сетевых вирусов.

Девушка занялась следующим клиентом имперской почты, а Вольдемар направился к коммуникатору с номером четыре. Как все просто, даже подозрительно просто. Стараясь сохранять спокойствие, Дескин запустил поисковик и набрал адрес нужного файла. К его удивлению, файл оказался ежегодным обращением нынешнего императора к имперскому парламенту, вот только размер его был слишком велик для видеозаписи такой продолжительности. Ладно, пусть со всей этой стеганографией специалисты разбираются, а его дело доставить ее по назначению. Вольдемар переписал файл на карту, убедился, что все прошло нормально, и постарался убрать все следы своей деятельности с коммуникатора. Что-то, видимо, все-таки

осталось, капитан Дескин не был специалистом по компьютерным поисковым системам, но с ходу найти, куда он обращался, уже не получится. Что удивило Вольдемара, так это сходство поисковых систем и коммуникационных программ, применявшихся в имперских и республиканских сетях. Нет, определенные различия, конечно, были, но ядро у них, похоже, общее.

Теперь начинался самый опасный этап операции. Со сверхсекретной информацией на физическом носителе предстояло пересечь столицу вражеской планеты, добраться до радиомаяка, дать сигнал своим и ждать катер. Так, стоп. Вольдемар воткнул карту памяти в коммуникатор и переименовал записанный на нее файл. Если поймают, то вряд ли поможет, все равно найдут, но хоть какая-то задержка будет. Дескин поднялся, стараясь не зыркать по сторонам, и, проходя мимо девушки, попрощался:

– До свидания.

Та даже не подняла головы:

– Всего хорошего.

В другое время огорчился бы, но сейчас даже к лучшему.

Дальнейший путь Вольдемара лежал на городскую станцию междугородного монорельса, он вполне успевал на вечерний поезд в столицу. Все шло так гладко, что даже страшно становилось, и чем больше проходило времени, тем больше напрягался Дескин в ожидании очередной подянки судьбы. Но пока судьба была к нему благосклонна, и в билетной кассе, и на перроне монорельса, где прохаживался полицейский, и даже в самом поезде, по которому прошелся парный полицейский патруль. И на столичном вокзале, куда через час прибыл поезд, на него никто не обратил внимания. Вольдемар немного расслабился. Общественный транспорт уже прекращал движение, а идти через весь город пешком Вольдемар посчитал слишком опасным, светиться на пустынных улицах столичного города – лишний повод для встречи с полицейским патрулем, тем более с убийственной уликой в кармане.

Поначалу Вольдемар хотел провести ночь в здании вокзала, но тут выяснилось различие между расписанием работы республиканских и имперских монорельсовых дорог. Республиканские работали круглые сутки, а имперские с пяти до двадцати четырех часов, на ночь здание столичного вокзала закрывалось. Соваться со своим липовым удостоверением личности в гостиницу Дескин не рискнул, но сильно не огорчился: где-то же ночует местная привокзальная публика. И это место предстояло найти, а плащ, чтобы подстелить и им же укрыться, уже был. Обогнув вокзал и пройдя под путями монорельса, Вольдемар нашел то, что искал.

Нелегальная ночлежка располагалась в помещении вентиляторной, шум мощной воздухоудовки был довольно громким, но местные обитатели не обращали на него внимания. Прежде чем попасть туда, Вольдемар осмотрел подходы и остался удовлетворен увиденным, смущало лишь то, что выход из ночлежки был только один. Но выбирать было не из чего, и он направился ко входу. Плату с клиентов собирал здоровенный субъект явно уголовного вида.

– Сколько?

– Червонец.

Вполне приемлемо. Вольдемар протянул монету сборщику и оказался внутри, где было довольно тепло и сухо. Что еще нужно бродяге? Конечно, поесть, но с пустым желудком приходилось мириться, да и запах в помещении не из самых приятных. Выбрав место около трубы, уходившей в бетонную стену, Вольдемар расстелил свой плащ, блаженно вытянул ноги и, поставившись забыть про урчащий живот, провалился в сон. Задержаться в ночлежке он планировал часов до семи или восьми, в зависимости от расписания местной публики. После восьми улицы столичного города заполнялись толпами спешащих на работу горожан. Дескин рассчитывал смешаться с ними, проскочить до окраины, а там уже и спасительный лес недалеко.

Однако сбыться этим расчетам было не суждено. Около трех часов ночи обитателей вентиляционной разбудил истошный вопль:

– Облава!

Вольдемар моментально перешел от сна к бодрствованию и еще успел увидеть, как выскочил наружу амбал, собиравший плату за ночлег. За ним мелькнула еще пара теней, и все. Яркий, ослепляющий свет ударил в дверной проем, а следом загремел усиленный динамиком голос:

– Сопротивление бесполезно! Выходить по одному!

Когда голос закончил первую фразу, удостоверение личности и карта памяти были засунуты в щель между трубой и стеной. В положении Вольдемара было лучше не иметь никаких документов, чем иметь такие. Как говорил связной, патруль обмануть они еще могут, но серьезной проверки, а в полиции их обязательно проверят, не выдержат. К концу второй фразы щель была заткнута грязной тряпкой и замазана собранной тут же пылью. Теперь вряд ли кому-либо захочется проявить любопытство к этой щели. Некоторые обитатели этого привокзального дна попытались найти другой выход, но их остановил пожилой, судя по голосу, мужик:

– Не гоношиться, сявки, нет отсюда другого выхода. Влипли.

Голос снаружи проявил нетерпение:

– Кому сказано? Выходить по одному! Или вас газком простимулировать?

Нюхать газ, видимо, слезоточивый, никому не хотелось, и бродяги по одному, как и приказывал невидимый полицейский, потянулись к выходу. Вольдемар свернул плащ – авось не отнимут, а в камере пригодится, тем более что многие прихватывали свои шмотки – и пошел вслед за остальными к выходу. Мощный луч света ударил в глаза, Дескин на несколько секунд ослеп. За эти секунды его толчками и пинками погнали вперед, затем он наткнулся на металлическую лестницу. Перед лестницей его бегло обыскали и пинком придали ускорение вверх. Вольдемар оказался в металлическом кузове транспортера, предназначенного для перевозки арестованных. Задержанных в этот кузов набилось множество, к счастью, ехать было недалеко. Транспортер свернул во двор полицейского участка, и пойманные бродяги, выгнанные наружу, столпились у забора, охраняемые двумя десятками полицейских.

У некоторых охранников в руках были лазерные винтовки, а не только электрошоковые дубинки. Серьезная публика. Задержанных начали по одному выдергивать из толпы и отводить в участок. Некоторых, видимо, после проверки документов, отпускали. Эти счастливицы, стремясь слиться с местностью, поспешно покидали негостеприимный двор, другие задерживались в здании участка и, похоже, надолго. Вольдемар уже знал, что без документов он автоматически попадает во вторую категорию, но выхода пока не видел. Наконец очередь дошла и до него. При входе обыскали еще раз и гораздо тщательнее, ничего, кроме нескольких монет, не нашли.

– Документы?

Вольдемар молча пожал плечами.

– В камеру! – автоматически среагировал полицейский капрал.

Прежде чем попасть в камеру, задержанный должен быть зарегистрирован. Регистрацию проводил здоровенный сержант в помещении дежурной части.

– Имя? Фамилия? Год рождения?

Не услышав ответов на заданные вопросы, полицейский сержант просто дал Вольдемару в ухо. Вольдемар послушно упал и постарался прикинуться ветошью на полу дежурки. Не получилось: сержант подошел и еще пару раз пнул его. К счастью, по едва сросшимся ребрам не попал, а то было бы совсем плохо.

– Имя? Фамилия? Год рождения?

Вольдемар продолжал молчать: никакой легенды на этот случай не было, а полагаться на собственные способности к импровизации он не рискнул. К тому же по акценту и незнанию местных реалий его мигом расколуют, надеяться на то, что в имперской полиции работают дураки, также не стоило, и он продолжал молчать. Мысли о сопротивлении не было – судя по нравам, царившим в участке, за любую попытку оказания физического сопротивления легкими

телесными повреждениями не отделаться, скорее, останешься инвалидом. Бежать из участка практически невозможно, слишком много вооруженного народа, да и сам сержант здоровенный, рост под два метра и вес не менее ста двадцати. Попробуй, справишься с таким. Оставалось только терпеть. Терпеть и молчать. Сержант пнул его еще раз.

– Эй, кто там есть? Лин? Родней? Заберите это дерьмо и запирайте в камере.

Самому разбираться с этим молчуном было некогда, до утра сержанту еще надо было оформить как минимум два десятка разных гавриков, а с этим пусть дежурный следователь разбирается, ему, кстати, и платят больше, чем сержанту из патрульной службы. Кто из следователей может дежурить в такую ночь? Естественно, самый молодой и неопытный. К нему на допрос и попал Вольдемар спустя час после того, как двое полицейских выволокли его из дежурки и кинули в камеру временно задержанных. Падая на бетонный пол, он успел подставить руки и, смягчив удар, спас не только ребра, но и подбородок.

За час, проведенный в камере, он не произнес ни слова, хотя к нему обращались такие же задержанные бродяги. Реноме молчуна надо поддерживать. Из разговоров между задержанными Дескин узнал, что попал в рядовую полицейскую облаву. Никого конкретно не искали, хватили всех подряд, просто к концу квартала требовалось выполнить план по арестованным преступникам. Мозг лихорадочно искал выход из создавшегося положения, но без толку, оставалось ждать и молчать. Молчать и надеяться неизвестно на что, наверное, на чудо. Замок камеры лязгнул, дверь со скрипом отворилась, на пороге появился полицейский. Гомон в камере моментально стих. От этого визита никто ничего хорошего не ждал.

– Ты! – Палец полицейского уперся в сидящего у стенки Вольдемара. – На выход!

Задерживаться опасно, разозлишь конвоира и получишь дубинкой по почкам, а то и по ребрам, чего Вольдемар опасался намного больше. Но и подобострастно высказывать тоже не годится, если уж решил уйти в глухую оборону и не общаться со следователем вообще.

– Руки за спину!

Вольдемар выполнил команду. Тычок дубинкой между лопаток.

– Пошел! – Видя, что задержанный не знает, куда ему идти, полицейский добавил: – Налево, по лестнице, на второй этаж.

В кабинете следователя допрашиваемому полагался наглухо прикрученный к полу табурет. На этот табурет конвоир и посадил Вольдемара, сам занял место за спиной. Следователь, навскидку чуть больше двадцати, совсем зеленый, да и ростом не вышел, поднялся из-за стола, подошел, остановился перед допрашиваемым. Вольдемар опустил голову и сосредоточил взгляд на грязных носках туфель следователя. Сейчас опять будут бить.

– На вопросы отвечать не желаешь, – начал следователь. – Где документы, сволочь?

Не удержал фасон, в конце дал «петуха», да и в ухо сержант приложил намного качественнее, чем этот пацан. Конвоир помог подняться с пола и снова утвердился на табурете.

– Будешь говорить?

Вольдемар отрицательно покачал головой и снова оказался на полу. Конвоир невозмутимо поднял допрашиваемого и хотел снова посадить на табурет, но следователь махнул рукой:

– Тащи этого упертого в лабораторию, пусть там его по полной прокатают.

– Ночь сейчас, лаборатория не работает, – напомнил конвоир.

– Ах да, – спохватился следователь. – Тогда обратно в камеру, а после девяти отведешь в лабораторию.

– Я в восемь сменяюсь, – сообщил полицейский.

– Значит, по смене передай, – сорвался на крик следователь. – Но чтобы в девять ноль-ноль этот хрен уже играл на пианино.

Конвоир вытолкнул Вольдемара в коридор. Когда дверь закрылась, полицейский высказал свое мнение о следователе:

– Щенок. – И уже задержанному: – Ну, что встал? Шевели копытами, налево и вниз по лестнице.

После девяти уже другой конвоир отвел Вольдемара в лабораторию. Как оказалось, игрой на пианино называли процедуру снятия отпечатков пальцев, также просканировали радужную оболочку глаз и взяли слюну на образец ДНК. Больше его в тот день не беспокоили – молодой следователь, который вел его дело, отдыхал после дежурства.

На следующий день Дескин опять оказался в знакомом кабинете. Процедура повторилась, только конвоир был другой.

– Колись, сволочь! – пиная лежащего на полу Вольдемара, вопил следователь. – Кто ты? Откуда? Документы куда дел?

Конвоир смотрел на это с легкой усмешкой. И чего, чудак, мучается. Кто ж так бьет? Позвал бы сержанта из дежурки, тот бы этого молчуна за пять минут расколол. А это не допрос, а какой-то детский утренник получается. Но обращение за помощью к младшим по званию следователь посчитал ниже своего достоинства, поэтому продолжал допрос сам. Ведь другие следователи справлялись без помощи всяких сержантов, и он тоже справится.

– Замочил кого-то и думаешь, что мы тебя не установим?

Следователь вернулся к своему столу и хлопнул ладонью по коммуникатору.

– Данные из лаборатории уже пришли. Сейчас мы тебя по базам проверим, где-нибудь да всплывешь. Лучше сам признайся, на суде зачтется.

Вольдемар, не шевелясь, лежал на полу и мечтал потерять сознание, тогда этот допрос закончится и он окажется в своей камере, а если повезет, то и в санчасти. Судьба подыграла бродяге: следователь решил проверить личность задержанного по розыскным базам и только тогда прижать преступника к стенке.

– Ладно, тащи его обратно в камеру.

Сам идти Вольдемар уже не мог, и конвоир вызвал второго полицейского. Вдвоем они оттащили задержанного в камеру и положили на нары.

Следующую неделю Дескина никто не трогал, и он почти оправился от предыдущих побоев и теперь ждал новых, но судьба опять распорядилась иначе. Естественно, в имперских базах данных никакой информации о Вольдемаре Дескине не оказалось, следователь попал в тупик и не знал, что делать дальше. Еще раз прессануть задержанного? А если он опять не расколется? И что делать с этим «господином Никто»? Плюнув на собственный гонор, он решил посоветоваться со старшим товарищем.

– Молчит? – спросил старший.

– Молчит, – подтвердил младший.

– Ты его прессовал?

– Конечно!

– Хорошо прессовал?

– Обижаете, – младший следователь постарался изобразить праведное возмущение.

– И все равно молчит?

– Молчит, – опять подтвердил младший.

– Слушай, а может, он немой? Язык-то у него есть?

– Не похож он на немого, понимает все, и язык у него на месте.

– Да-а, интересный случай, – протянул старший. – Все понимает и молчит. А запросы ты везде разослал?

– А то.

– И везде пусто?

– Везде. Такое впечатление, что он вообще на этой планете не родился. А может, он шпион?

– Если бы он был шпион, то с документами у него был бы полный порядок. Да и не водятся шпионы в нашей привокзальной ночлежке, видимо, запах там для шпионов неподходящий или климат у нас на планете не тот. А жаль. – Старший следователь мечтательно закрыл глаза. – Поймали бы настоящего шпиона, вот это было бы дело. Сразу следующее звание, повышение по службе, премию бы дали. – Старший вернулся к реальности и стукнул кулаком по столу. – Копаешься тут в этом дерьме, где ничего, кроме мелкой шушеры, не водится. Даже грабитель приличный не помню уже, когда попадался.

– А с этим-то что делать? – младший вернул старшего к теме разговора.

– А вещи ты его проверил?

– Вещи? – удивился младший.

– Ну, что на нем надето?

– Да обычные вещи. Рубашка, брюки, кроссовки. Еще плащ непромокаемый, овчиной подбитый.

– Так что же ты раньше молчал?

– О чем? – не понял младший.

– О плаще. Это же пастушеский, такие плащи только пастухи носят. Он же только с гор спустился, а у них там такие деревни есть, что не только сети, электричества нет. Какие у него могут быть документы?

– А чего он тогда молчит?

– А черт его знает. Может, испугался. Или понять не может, чего от него хотят, – предположил старший следователь.

– И что с ним дальше делать?

– Оформи ему бродяжничество. За это ему три года барака суд автоматически выпишет, и придираться никто не будет, факт бродяжничества налицо. Если за три года он в какой-нибудь базе всплывет, то дело опять открыть можно будет и он всегда под рукой.

– А если не всплывет?

– То считай, что ему повезло. Если доживет до конца срока, то ему новое удостоверение личности сделают.

– А как без имени подсудимого дело в суд отправлять? – опять заныл младший.

– А любое впиши, – сообразил старший. – Кому какая разница? Пиши... Айвен... Айвен Мюллер. У нас на планете что Мюллер, что вообще без фамилии, один черт.

– Спасибо... – начал благодарить старшего товарища младший следователь.

– Спасибо в стакане не булькает, – прервал его старший.

Транспортер, предназначенный для перевозки двадцати человек, был практически пустым – кроме заключенного Айвена Мюллера в нем было еще двое, да плюс сонный охранник в отсеке, отделенном от остального кузова двойной решеткой. Прикованный к полу специальными ножными кандалами, Айвен трясся на жесткой скамейке крутящегося по горному серпантину транспортера. В голове билась только одна мысль: «Бежать, бежать, как можно быстрее бежать». До последнего сеанса связи оставалось еще три месяца. Если за это время не удастся добраться до радиомаяка, то можно застрять на этой планете надолго, а то и навсегда.

Глава 2

Заклученный

– Пошел!

Тычком дубинки в спину Вольдемару придали начальное ускорение, и он влетел внутрь огражденного колючей проволокой периметра. Час назад транспортер с заключенными въехал на территорию, предназначенную для барачной охраны. В административном здании с троих заключенных сняли кандалы, освободили их головы от волос и отвели в душ. Один из вновь прибывшей троицы, видимо, уже не первый раз попавший сюда, успел просветить остальных:

– Пользуйтесь, в следующий раз сюда можно попасть только через три месяца.

– А какие тут порядки? – заинтересовался второй новичок, совсем еще молодой пацан, впервые попавший в барак.

Вольдемар, как всегда, молчал. Более опытный свысока посмотрел на новичка, но снизошел до объяснений:

– На входе котелок, ложку и бадью дадут, береги, как свой глаз, потеряешь – ты труп, без котелка баланду не дают. Когда за колючку попадешь, передвигайся только по желтым дорожкам, не беги, но и не останавливайся, стреляют, сволочи, без предупреждения. Ночью лучше вообще не выходи. В бараке за колесами следи, тоже большая ценность, даже ночью не снимай.

– А что такое колеса? – не понял молодой.

– Что на ноги надел, то и колеса, – заржал бывалый. – Раньше, чем через три года, новые не дадут.

В душевую заглянул охранник:

– Кому тут весело? Помылись? На выход.

Бывалый сразу заторопился, споры с охраной здесь не приветствовались. После душа прибывшим заключенным вкатили какие-то прививки и отправили на вещевой склад. Все получили одинаковые черные трусы и майки, такие же черные брюки и куртки, на ноги выдали грубые, но крепкие ботинки на липучках. Носки или что-нибудь вроде них не полагались. На выходе сунули в руки пластиковый котелок с бренчавшими внутри кружкой и ложкой, стальная калитка отъехала в сторону, и Вольдемар оказался внутри периметра. Вспомнив наставления бывалого, не торопясь, направился к дверям барака по желтой песчаной дорожке. Потянул на себя пластиковую дверь и замер.

Снаружи воздух был несколько испорчен «ароматами», исходившими от большой пластиковой будки, но концентрация запахов внутри барака была на порядок выше. Преобладал запах немытых человеческих тел, гнили и какой-то кислятины. Пока Вольдемар привыкал к обстановке, на него налетел второй прибывший, им оказался бывалый.

– Ну, что замер? Тошно с непривычки? Ничего, все привыкают.

И начал пробираться в глубь барака по центральному проходу. Вскоре оттуда донеслись приветственные выкрики, видимо, у прибывшего в бараке нашлись старые приятели. У Вольдемара приятелей не было, и он, шагнув за порог, начал продвигаться по боковому проходу, выискивая свободное место. Большинство заключенных собиралось в группы по несколько человек, попадались пары и тройки, одиночек он пока не заметил. Чем дальше от входа, тем больше было свободных мест на трехэтажных нарах. Несмотря на фантастическую скученность, барак был не заполнен. Увидев у прохода несколько пустых мест, Вольдемар решил остановиться здесь, но предварительно поинтересовался мнением будущих соседей:

– Свободно?

Дальше разыгрывать из себя немого было бессмысленно. Один из лежавших на втором ярусе оторвал голову от тряпки, служившей ему подушкой, мутным взглядом окинул стоявшего в проходе и изрек, наконец:

– Новенький? Лезь на дерево.

Интуитивно Вольдемар догадался, что ему предлагают забраться на третий ярус. Но глаза говорившего, недобро блеснувшие в свете тусклой лампочки, очень не понравились Вольдемару, и он двинулся дальше. Метров через семь верхний ярус был пустым, и он решил остановиться здесь. В отличие от зажатых сверху и снизу двух первых ярусов, здесь не было соседей, но была некоторая свобода маневра. Если придется отбиваться или бежать, то с верхнего яруса это сделать проще, до потолка оставалось целых восемьдесят сантиметров.

Однако забраться на выбранное место Дескин не успел, в бараке внезапно началось непонятное, но энергичное движение. Перед Вольдемаром со второго яруса выскользнул человек с несколькими котелками и приспособлением для кружек. «Ужин», – догадался Вольдемар и направился вслед за остальными к выходу. К месту раздачи пищи вытянулась длинная очередь, в конце которой, за такими же одиночками, пристроился и Дескин. Простояв в очереди почти час, он понял всю ценность обладания пластиковой емкостью. Что-то среднее между баландой и кашей наливали только в стандартный котелок. И никого не интересовало, твой это или нет. Многие получали пищу на несколько человек, имея при себе соответствующий набор посуды. Кроме этого, каждому полагалась кружка бурды, именуемой кофе, и кусок хлеба. А вот хлеб оказался вполне приличным.

Вольдемар вернулся в барак на выбранное место. Казалось, никто не обратил внимания на появление нового соседа. После ужина возникло новое движение от барака к водяным колонкам. Отстояв еще одну очередь и помыв посуду, он начал понимать, что основная часть жизни заключенных и состоит в вечном ожидании. Ожидании пищи, ожидании воды, ожидании свободы. Только в сортир очереди не было, но первое его посещение Вольдемар оттягивал, насколько мог. Заметив очевидную необходимость Дескина, сосед снизу просто предупредил:

– Ночью обоссешься – убью.

Сомневаться в его словах не приходилось, по внешнему виду – типичный душегуб. Справиться с ним Дескин, пожалуй, смог бы, но даже самым смелым и хорошо подготовленным бойцам надо когда-то спать, а в такие минуты человек беззащитен. Пришлось сползать с нар и идти в источающую миазмы будку. На подходе к ней Вольдемар постарался задержать дыхание и сделать все очень быстро. Не получилось, дыхания не хватило, и, хватанув местного амбре, Дескин чуть не выдал обратно весь ужин, но обошлось. Ложась спать, Вольдемар засунул котелок с кружкой и ложкой под барачную куртку и прижал к себе руками, надеясь, что так их укрывать невозможно.

Ночью Вольдемар проснулся оттого, что кто-то осторожно стягивал с его левой ноги ботинок. Правый ботинок был на месте, им и получил в лоб неудачливый воришка. Отлетев от удара, он на четвереньках исчез в проходе. Вольдемар застегнул левый ботинок и, проверив наличие котелка, уснул до утра. Утром он учел вчерашнюю ошибку и в туалет ходил до завтрака, когда практически все заключенные еще спали. Затем он умылся и стал ждать завтрака. Каким образом обитатели барака получали сигнал о начале раздачи пищи, Дескин так и не понял. Часов ни у кого не было, звуков никаких не раздавалось, даже тусклый свет не моргал, никто не входил в барак и никто из него не выходил. Но если народ вдруг начинал дружно прыгивать с нар и, стуча котелками, мчаться к выходу, то можно было не сомневаться – раздача пищи началась.

Вольдемар, как и вчера, пристроился в конце и осторожно начал высматривать слабые места в системе охраны барака, на предмет их использования для предстоящего побега. Увы, к моменту, когда ему плеснули в подставленный котелок черпак баланды и выдали кусок хлеба с кружкой мутной, но горячей бурды, ничего полезного он не высмотрел. Поначалу Дескин не

сильно огорчился, не повезло сегодня, что-нибудь увидит завтра. Но ни завтра, ни послезавтра, ни через два дня он так и не смог составить план побега, который давал бы хоть один процент успеха. Точнее, у него не было вообще никакого плана, система охраны, казалось, не имела никаких недостатков.

Тогда Вольдемар решил прибегнуть к опыту предшественников. Два дня он бродил между нарами, стараясь держаться ближе к центру. Останавливался, прислушивался к разговорам между другими заключенными, стараясь выловить хоть какие-то крупинки полезной информации. Несколько раз, заметив интерес Дескина к разговору, его прогоняли, пару раз чуть не побили, еще два раза просто продемонстрировали заточку. Его бы приняли за барачного стукача, но такие охране были не нужны, жизнью подопечных внутри барака люди из-за колючего периметра не интересовались. Результат был нулевым, заключенные говорили о чем угодно: вспоминали волю и удачные дела, провернутые на этой воле, жаловались на судьбу, перемывали кости барачным авторитетам, но про побег ни звука. Никто даже не вспоминал про удачные случаи, как кто-то свинтил из барака в обход охраны. Отчаявшись, он напрямую спросил о возможности побега своего зверообразного соседа снизу. Тот только отмахнулся:

– Забудь. Из барака, кроме как через ворота, еще никто не откидывался. С этапа винтили; когда на работы какие гоняли, то, бывало, валили в туман, а из барака нет, я за свои три ходки о таком ни разу не слышал.

Вот теперь было самое время впасть в уныние, но очередная улыбка судьбы подарила надежду буквально на следующее утро. Когда все еще спали, Вольдемар направился к сортиру, чтобы успеть освободить мочевой пузырь и умыться еще до завтрака. Он, по привычке зажав нос, подскочил к двери пластиковой будки и уже почти взялся за ручку, но замер, наострив уши.

– Уже сколько времени копыта точим, а все без толку, – гундел плохо слышимый через стенку голос, сопровождаемый шлепками падения субстанции с приличной высоты. – Сколько можно здесь дуру гнать?

– Отвали, без тебя тошно, – просипел второй. – Как только будет случай, так сразу и дадим винта.

Вольдемар осторожно, стараясь не шуметь, сделал несколько шагов назад, а потом, топя погромче, подскочил к двери, дернул ручку и, стараясь не выдать свой интерес к будущим поделщикам, торопливо начал делать свои дела. Закончив, так же быстро вылетел из будки и, глотнув свежего воздуха, устремился к водяным колонкам умываться.

После завтрака Дескин решил навести справки о парочке из сортира. Сосед снизу оказался ценным источником информации.

– Один гундосит, второй сипит? – Он на секунду задумался и выдал результат: – Сопливый и Сиплый.

– А что они собой представляют? – спросил Вольдемар.

– Сявки, шниферы провинциальные, здесь не в авторитете. Тихушники. А тебе эти чуханы зачем?

– Да так, для информации.

– Ну-ну.

Сосед снизу вернулся к своим делам, точнее, опять завалился спать. Между прочим, зря он Сиплого и Сопливого чуханами назвал. Конечно, образования у Сиплого не было, дифференциальные уравнения второго порядка в уме он решать не мог. И кругозор жизненный у него был узковат, зато он не был обделен природной хитростью и соображал быстро. Сопливый был и вовсе туповат, но силен, и чувство опасности у него работало прекрасно. Вместе эта парочка оставила на воле немало висяков, а если и попадалась, то чаще случайно, в основном на сбыте краденого.

Однако в этот раз Сиплый и Сопливый попали в барак по собственному желанию, но не совсем так, как хотелось бы им. Полгода назад они залезли в дом богатого спекулянта и взяли просто сказочный куш. И все бы хорошо, но помешала домработница, которую хозяин попросил присмотреть за домом. Женщина появилась в самый неподходящий момент, и Сопливый приложил ее по голове подвернувшейся под руку бронзовой статуэткой. Сильно приложил, не рассчитал. Убивать он не хотел, так получилось. В результате вместо привычной банальной кражи они совершили мокрое дело. Однако мотать долгий срок за убийство им не хотелось, и тогда Сиплый придумал гениальный, как ему казалось, ход. Тщательно уничтожив следы своего пребывания в доме и припрятав награбленное в родном городе, парочка подалась в столицу, где, выкинув удостоверения личности, попала на глаза полицейскому патрулю. Вполне сознательно попала, Сиплый рассчитывал, что им дадут за бродяжничество два или три года, не впервой. За это время о них забудут и перестанут искать убийцу, а по выходе из барака можно будет пустить добытое в оборот.

Не учел Сиплый, что столица – это не провинция. Столичные полицейские быстро выяснили, какие клиенты пожаловали к ним в гости, и очень обрадовались. На провинциальных воров повесили сразу четыре нераскрытых кражи и уличный грабеж, чем они отродясь не занимались. Сиплый и Сопливый попытались выразить бурный протест, но следователь им попался опытный, не чета тому, что вел дело Дескина. Сплюнув выбитые зубы, парочка быстро подписала нужные показания, получила по двенадцать лет на лицо и отправилась в барак. Теперь вместо трех ожидаемых лет им пришлось тащить все двенадцать за чужие дела, а на воле их ждал клад. Естественно, они пожелали ускорить свое освобождение, но случая пока не представилось.

Первым делом Вольдемар поближе подобрался к этой парочке. Для того чтобы освободить нужное ему место, пришлось вытащить из барака труп примерно суточной давности. Однако когда Вольдемар вернулся, место уже было занято нагловатым субъектом. Это действие полностью шло вразрез с местными понятиями – кто труп вынес, того и место. Мириться с таким беспределом Дескин не стал, тем более что габариты наглеца не впечатляли, да и на бойца он никак не тянул. Вольдемар молча взял его за шиворот, выдернул в проход между нарами и, придав пинком ускорение, отправил в глубь барака. Приземлившись на грязный пол, тот сразу вскочил и, подобравшись, двинулся к Вольдемару с явным намерением отомстить обидчику, но был остановлен голосом с первого яруса нар:

– Слышь, ты, сявка борзая! Кончай беспредел творить, еще раз здесь увижу, вломлю по полной.

Видимо, голос принадлежал весьма авторитетному представителю местного общества, которому соседство с этим субъектом не пришлось по вкусу, а может, просто решил свой авторитет окружающим продемонстрировать. Пробурчав под нос что-то извинительное, нарушитель закона растворился в полутьме барака, и Вольдемар занял принадлежащее ему по праву место на втором ярусе. Теперь двое провинциальных воров оказались его соседями и практически весь день были у него на виду.

Однако в ближайшие две недели ничего не происходило, барак жил своей размеренной жизнью. Самым значительным событием стало то, что опустили какого-то баклана, неоднократно накосячившего уже в бараке. Все авторитеты сбегались в гарем пробовать «новенькую», оттуда раздавались придушенные визги, какие-то вопли, гогот.

Вольдемар лежал на нарах, задыхаясь от омерзения, и не мог понять, как человек может дойти до такого скотского состояния. Ему, прошедшему множество боев и с винтовкой в руках, и в кабине истребителя, казалось, что он уже все видел и все испытал. В его жизни уже были боль, потеря, страх, разочарование, даже несчастная любовь, но эту сторону человеческого существования он увидел впервые.

Ночью разыгралась буря, на крышу барака хлынули потоки воды, а стены дрожали под напором воздушной стихии. Временами казалось, что хлипкое строение сейчас просто сдует, наружу и носа высунуть никто не смел. Как оказалось, запас прочности барака был вполне достаточным, чтобы благополучно пережить эту бурю. К утру ветер стих, а ливень перешел в мелкий дождь, даже местное светило иногда пыталось прорваться сквозь пелену низких серых облаков. А к вечеру по бараку разнеслась новость о том, что заключенных будут отправлять на работу по расчистке завалов, образовавшихся на дорогах после бури и схода нескольких селевых потоков. Как эта и другие новости проникали в барак, оставалось для Вольдемара полной загадкой: никаких контактов между заключенными и охраной он не замечал, как и коммуникаторов у кого-либо из обитателей барака, даже самых авторитетных.

Новость всколыхнула всех, в последний раз такое событие было три года назад. Как рассказывали старожилы, тогда было не то шесть, не то восемь попыток побега с места работы. Только одна из них закончилась удачно, остальных частично переловила, частично перестреляла охрана. Уцелевшим беглецам накинули три года за попытку побега, и все успокоилось. А сейчас сердце Вольдемара билось в радостном предвкушении свободы, он верил в свою счастливую звезду. В этом же его убедил и подслушанный разговор между Сопливым и Сиплым, из которого он и узнал предполагаемый день готовящегося побега.

На следующий день начальник охраны предложил заключенным, желающим принять участие в восстановительных работах за пределами охраняемого периметра, собраться у пункта раздачи пищи. В качестве поощрения обещали усиленный паек, а день, проведенный на работах, засчитывался за два дня в бараке. На первый взгляд условия были неплохие. Но сколько времени продлится работа по восстановлению дороги? Неделю? Две? С точки зрения многолетних сроков большинства местных обитателей неделя, которую удастся скостить, ничего не решала. Тем не менее, к удивлению Вольдемара, через десять минут уже собралось больше сотни человек. Видимо, это были те, кому тяжелая работа была предпочтительнее барачного безделья, те, кто готов был вкалывать бесплатно, лишь бы была хоть какая-то смена обстановки. В толпе собравшихся Дескин старался держаться поближе к парочке провинциальных воров.

Из всех собравшихся отобрали только восемьдесят человек, большему количеству рабочих на узкой горной дороге просто не развернуться. Счастливчиков погрузили в четыре транспортера, неудачники понуро побрели обратно в барак. Попасть в один транспортер с Сиплым и его приятелем не удалось, но побег все равно только завтра, поэтому Вольдемар не огорчился. Транспортеры остановились на площадке за километр до завала, дальше заключенные пошли пешком. Конвой насчитывал двадцать человек, вооруженных лазерными винтовками, собак не было, в охране барака им делать нечего, там хватало технических средств. Однако держался конвой настороженно, винтовок из рук не выпускал и был готов стрелять в любой момент.

Сошедший с горы поток, состоящий из камней и уже засохшей грязи, перекрыл дорогу на протяжении полутора десятка метров.

– Неделя как минимум, – оценил объем работ один из заключенных, остальные одобрительно загудели.

Половине работников выдали ломы и лопаты, они должны были выковыривать камни из застывшей грязи, остальные забрасывали камни в кузов самосвального транспортера. Орудуя ломом, Вольдемар прикидывал варианты ухода. Вверх? Нереально. Через завал? Но на завале пятеро охранников, через них не проскочить. Вниз? Более реальный вариант, но склон, поросший чахлой травой и крайне редким кустарником, не давал никакого укрытия, а наверху четверо стрелков. Тоже не вариант, достанут на первой сотне метров. Спрятаться где-нибудь в транспортере? Но его контролируют сразу шестеро, и водитель заключенным тоже вряд ли сочувствует. Лом уже почти четыре часа ковырял наштапигованную камнями грязь, если бы не

рукавицы, ладони уже стерлись бы до кровавых мозолей. Нет, прав был Сиплый, надо подождать, в первый день охрана начеку, дальше бдительность должна ослабнуть.

Обед привезли прямо на место завала. Суп, именно суп, а не баланда, был вполне приличным, хлеба дали вдвое больше барачной пайки, ужин обещали уже вечером в бараке. Значит, бежать надо после обеда. Во-первых, хлеб можно прихватить с собой, до и после работы обязательно обыщут, сухари на работу не пронести, сразу поймут, для чего они нужны. Во-вторых, в темноте снижается эффективность атмосферных катеров, поэтому погоню, скорее всего, начнут с утра, а за ночь можно будет далеко уйти. Все так, осталось только найти способ проскользнуть мимо охраны, а вот его-то и не было. Вся надежда осталась на Сиплого: хитрый опытный вор вполне мог что-то придумать, надо только не упустить момент.

Вечером в бараке Вольдемар напрасно прислушивался к разговорам между завтрашними беглецами, ничего существенного так и не услышал. Новый день начался по обычному распорядку, но после завтрака работники потянулись не в барак, а к выходу, где их уже ждали транспортеры. На обеде Вольдемар выскреб котелок, выпил кофе, а хлеб спрятал в котелок вместе с кружкой. Котелок поставил поближе, чтобы его можно было быстро схватить. После возобновления разбора завала он усилил наблюдение за Сиплым и Сопливым, но те работали как обычно, не торопясь, даже по сторонам не смотрели.

– Стой!

Вольдемар резко обернулся. Охранник, стоявший в двадцати метрах правее, направил ствол своей винтовки вниз по склону, где мелькали две стремительно удалявшиеся черные спины. Сиплый и Сопливый! Упустил! Как они проскользнули мимо охраны? Два лазерных луча прошли мимо, и тогда охранник, который должен был контролировать работу Вольдемара, совершил ошибку. Он повернулся спиной к заключенным и также открыл огонь по беглецам, которые успели уже удалиться на приличное расстояние. Внимание остальных охранников тоже было отвлечено. Крак! Лом пришел в соприкосновение с головой охранника, защищенной только легким кепи. Еще до того, как тело упало, Вольдемар перехватил тяжелую имперскую винтовку и выстрелил в охранника, стрелявшего по беглецам. Тот уронил лазер и осел на дорогу. Следующий луч достался охраннику, стоявшему еще дальше, фигура в прицеле согнулась и покатилась вниз.

В следующий момент Дескин, пригнувшись, развернулся на сто восемьдесят градусов, поворачиваясь лицом к завалу и падая за вывороченный из него камень. Охранники, стоявшие наверху завала, видели, как упали их товарищи, но рассмотреть стрелявшего им мешал сам завал и другие заключенные. Им и достались первые лучи с завала: несколько человек упало, закричали раненые. Только что же вы, господа, так и остались стоять в полный рост? Привыкли расстреливать безоружных, да и мундиры пачкать не захотели. Хоть бы пригнулись или на колено встали. Однако лечь охранникам все же пришлось, причем троим не по своей воле.

К этому времени толпа заключенных уже хлынула вниз по склону, сопровождаемая выстрелами уцелевших охранников. Вольдемар решил, что теперь и ему пора. Вести дальнейший бой в одиночку в его планы не входило, впрочем, уже не в одиночку. Сдергивая с убитого первым ремень с подсумком, штык-ножом и флягой, он увидел, что охранников у транспортера смяли и, завладев их оружием, пытались вести огонь по охране, прикрывая бегство других заключенных. Дескин еще успел подхватить свой котелок, прежде чем скатиться по склону вслед за остальными. Оставаться на месте никто не захотел, массовый побег с убийством десятка охранников тянул уже не на три года, а на вышку. Остаться – верная смерть, уйти – хоть какой-то шанс, авось не поймают.

В самом низу склона Вольдемар увидел среди камней черную спину, приглядевшись, узнал Сиплого. Не повезло старому вору, буквально десяти метров не дотянул до спасительного гребня, судьбу не обманешь. Дескин подобрал отлетевший в сторону котелок Сиплого и скрылся из поля зрения охранников. Котелок проверил на ходу, как и ожидал Вольдемар, свою

хлебную пайку вор приберег для побега и спрятал в нем. Кроме хлеба, там же обнаружился бумажный сверток. Не разворачивая, сунул в карман. Если Сиплый с собой тащил, то и ему, Вольдемару, сгодится.

Теперь, когда горячка боя закончилась, Вольдемар попытался проанализировать ситуацию. О побеге уже доложили наверх, и там начался обычный для таких случаев бардак. Первым делом постараются эвакуировать раненых охранников. Много ли у полиции атмосферных катеров? Пока еще ни одного он не видел, в охоте за спецназовцами участвовали только катера ландсгвардии. В данном случае гвардейцев привлекать не будут, заключенные не вражеская диверсионная группа, это дело полиции. Тогда будем считать, что сразу поиск не начнут. Сначала доставят подкрепления, потом вывезут раненых, опять привезут полицейских. До темноты не управятся точно, а до этого времени пять-семь километров отмахать вполне реально. К тому же в темноте эффективность поиска существенно снижается. Отличить беглого заключенного от потерявшегося барана на экране тепловизора не так-то просто. Еще побегаем, тяжесть оружия в руках придавала уверенности.

В ступавшихся сумерках Вольдемар решил сделать передышку. Полицейские катера так и не появились. Один рейс к месту побега, оттуда в госпиталь, потом обратно, а пилоты у них не железные, им отдыхать надо, значит, до рассвета не появятся. В пакете Сиплого оказалась смесь табака с какой-то вонючей дрянью – антисобакин. Если опытный вор учитывал возможность встречи с собаками, то надо быть к этому готовым. Все, вперед. Куда? Все равно, лишь бы подальше от этого места.

Вольдемар шел всю ночь, благо местная луна позволяла немного видеть дорогу. Сориентироваться по звездам не удалось, слишком мало он знал о рисунке местных созвездий. По дороге попался ручей. От мысли пройти по его руслу, чтобы сбить со следа собак, Вольдемар отказался. Вода холодная, а русло каменистое, споткнешься – можно разбитым лбом и не отделаться.

К утру Дескин решил, что пора подумать и о преследователях. Выбрав место, где на каменистом склоне не оставалось следов, сделал несколько петель. Дорожку отхода присыпал смесью Сиплого. Метров через восемьсот повторил операцию и снова присыпал дорожку отхода, потом еще один набор петель через километр от второй. На этот раз Вольдемар вернулся к первой ловушке другой дорогой и устроил засаду в двухстах метрах от нее. Если разгадают все хитрости, то по открытому склону, где ни один камень не давал надежного укрытия, им до него долго добираться, если только катер не вызовут. Кстати, о катерах. Сверху Вольдемар наложил на себя мелких камней, не бог весть какая маскировка, но другой все равно нет.

Преследователи появились, когда местное светило было почти в зените, то есть ближе к полудню. Десять полицейских, вооруженных винтовками, и собака вышли на рассвете. Они преследовали одиночного беглеца уже почти шесть часов. Днем они двигались намного быстрее, чем Дескин ночью, и к полудню здорово вымотались. Только крупная черная псина бодро тянула поводок, ее лай и разбудил Вольдемара. Продрав глаза, Дескин просунул винтовку между камнями и приготовился наблюдать за действиями погони, жаль, что оптики никакой не было.

Пройдя по первой петле и вернувшись в исходную точку, собака закружилась на месте, пытаясь поймать свежий запах, но смесь имени Сиплого не давала ей сделать это. Проводник повел ищейку по большому кругу, и вскоре след был найден, ведомая четвероногим другом всего человечества погоня рванула к следующей ловушке. Там история повторилась, но найти свежий след удалось далеко не сразу. Проводнику с собакой пришлось сделать три круга все большего радиуса, прежде чем бодрый лай объявил об удаче. Удачи хватило еще на километр, а там наматывание кругов уже не давало результатов. В конце концов нанюхавшаяся адской смеси собака отказалась работать дальше, да и люди вымотались окончательно. Строгий приказ заставлял их продолжать преследование, но как?

Полицейские попытались организовать прочесывание местности, чтобы визуально обнаружить следы, но на камнях никаких следов не осталось. Пытались опять использовать собаку, но та только скулила и все время норовила лечь. Наконец вызвали атмосферный катер. Тот около часа кружился над горами, время от времени зависая в подозрительных местах. Вольдемару пришлось пережить две неприятные минуты, когда катер, оглушая свистом двигателей, висел буквально в сотне метров от камней, в которых он прятался.

Когда над горами начали сгущаться сумерки, катер забрал группу преследователей-неудачников вместе с собакой и убрался обратно на свою базу. Утром они вернутся, обязательно вернутся, просто так убийцу полицейских они не отпустят. Ну и пусть возвращаются.

Когда стемнело, Вольдемар вернулся обратно к ручью, стараясь держаться своего вчерашнего следа. В темноте это не очень получалось, ну и не важно, здесь они уже прошли, и второй раз начнут поиск с места, где оборвался след. Пусть ищут, пусть носом землю роют, а он здесь тихо посидит. Дескин поднялся вверх по течению и, выглядев подходящее для укрытия место, шагнул туда.

Полицейский комиссар столичного округа потер красные от бессонницы глаза. Четверо суток назад больше шестидесяти заключенных совершили побег, унеся с собой пять лазерных винтовок. Комиссар перебрал четыре оставшихся на столе папки. Четверых так и не поймали, вместе с ними ушли два лазера. В руках оказалась самая тонкая папка, комиссар перебрал листы пластика. Странное дело, посадили этого Мюллера по самой легкой статье, на следствии никакой агрессии не проявлял, бежать не пытался, а тут полицейского ломом по голове приложил, пальчики с железяки уже сняли. Все, хватит! Полицейский бросил папку на стол. Операцию пора прекращать, четверо суток больше пятисот сотрудников полиции по горам лазают вместо того, чтобы в городе службу нести, а если добавить тех, кто на постах стоит, и тех, кто операцию обеспечивает, то больше двух тысяч набирается. Люди устали, а результаты за последние сутки нулевые. Черт с ней, с этой четверкой, с планеты все равно никуда не денутся, рано или поздно попадутся, тогда с ними и посчитаемся.

Комиссар нажал клавишу коммуникатора, вызывая своего заместителя, непосредственно руководившего операцией.

– Сворачивайте поиск и возвращайтесь в город.

– А как же...

– Скорее всего, они проскочили оцепление и уже далеко. Будем искать оперативно-разыскными методами.

Комиссар отключил связь. Завтра предстоит идти на ковер к министру, а перед этим нужно выспаться, больше сегодня он уже ничего сделать не сможет.

Три дня Дескина никто не беспокоил, никто, кроме голода: последнюю крошку хлеба он съел в середине второго дня. Ночью к голоду добавлялся холод. Ближе к утру у Вольдемара зуб на зуб не попадал. Однако вылезти из своего убежища и хоть немного размяться он не рискнул. Во-первых, не хотел попасть в объектив какого-нибудь полицейского тепловизора, во-вторых, сэкономил энергию. О том, что операция по поиску беглецов продолжается, свидетельствовали полицейские катера, несколько раз появлявшиеся над горами. Дважды он их видел, но чаще слышал, вжимаясь в камни и стараясь не шевелиться.

К концу третьей ночи, проведенной у ручья, Вольдемар понял, что если задержится здесь еще на какое-то время, то рискует просто потерять силы и не выбраться отсюда вообще. На рассвете он двинулся в путь, стараясь держаться естественных укрытий и постепенно спускаться вниз, надеясь рано или поздно выйти к людям, лучше, конечно, раньше, пока силы не оставили его окончательно. К полудню, когда винтовка уже потяжелела втрое, Вольдемар наткнулся на пастушеский домик с загонem для овечьего стада. Возле дома стоял грузовой транспортер,

куда и грузили животных. Похоже, не один Хоффман промышлял в этих горах экологически чистыми баранами.

Дескин не знал, что после окончания полицейской операции и разблокирования дорог выращенное в естественных условиях мясо спешили доставить жаждающим его гурманам в столицу. Дождаться, пока уедет грузовик, и нанести визит? Но там, кроме овечек, есть еще и пара собачек весьма звероватого вида. Тихо пожить не удастся, а на то, что здесь живет второй Хоффман, рассчитывать глупо. Нет, можно, конечно, не оставить свидетелей. Против лазера собаки не помогут, а хватятся пастуха не скоро. К тому времени Вольдемар будет уже далеко, но хладнокровное убийство за кусок хлеба претило всей его натуре. Видимо, еще не настолько оголодал. Интересно, а есть ли предел, после которого офицер республиканского флота капитан третьего ранга Вольдемар Дескин перешагнет через свои моральные принципы? Голод – страшное чувство, он отупляет, подавляет все остальные чувства и мысли. Слабого духом он превращает в животное, доводит до людоедства и трупоедства. Только сильный человек может удержаться на грани и не переступить ее. Не хотелось бы проверять.

Вольдемар сорвал несколько стеблей травы, пожевал и выплюнул. Не понравилось. Определил направление ветра и начал обходить это горное ранчо так, чтобы собаки его не почуяли. Часа через три Дескин вышел к дороге, а на дороге... На дороге стоял грузовой транспортер, тот самый, с овцами в кузове. Или с баранами, кто их разберет. Подобравшись ближе, он увидел водителя. Тот лежал под грузовиком и что-то там делал. Мелькнула мысль обзавестись колесами, более удобный случай трудно себе представить. По здравому размышлению от этой мысли пришлось отказаться. Вольдемар не был уверен, что справится с этой тяжелой машиной. С истребителем справлялся, а грузовиком управлять еще не приходилось. Водителя за руль посадить? Все равно дальше первого поста не уехать, да и хватятся грузовик самое позднее сегодня вечером, когда он не привезет животных, и сразу начнут искать. Нет, не годится оставлять такой явный след, пусть едет.

И тут опять проявилась улыбка фортуны. Закончив стучать какой-то железкой, водитель выбрался из-под машины и решил перекусить. Достал пакет с бутербродами, термос, присел прямо на подножке. Однако спокойно поесть ему не дал вызов коммуникатора. О чем шел разговор, Дескин не слышал, но, судя по жестикуляции, водитель в чем-то оправдывался. Ну, конечно, в задержке. Водитель отшвырнул пакет и полез в кабину: экологическая культура у местного населения ниже плинтуса. Не успела осесть пыль на дороге, как Вольдемар уже вцепился зубами в содержимое пакета. С трудом удержался от того, чтобы не съесть все сразу, кусок хлеба оставил на следующий день. Жить сразу стало веселей, даже винтовка казалась легче. Завтра эти проблемы встанут снова, но это будет завтра. А сейчас он жив и свободен, даже почти сыт. Что еще нужно человеку для счастья?

Против лазера замок продержался недолго. Вольдемар вихрем ворвался в магазин. Прикинув, где может висеть одежда его размера, схватил первое, что попало под руку. В свете уличного фонаря увидел кассовый аппарат. На Онате там должны быть деньги в виде местных монет. Второго удара прикладом аппарат не выдержал. Как ни торопился, но монеты выгреб аккуратно, стараясь не оставить отпечатков пальцев. Затем подхватил с пола брошенную одежду и выскочил на улицу. Завывания полицейской сирены были слышны совсем рядом.

– На первый взгляд обычное ограбление, но замок был вскрыт с помощью лазера. – Начальник городской полиции заметно волновался.

– Отпечатки пальцев нашли?

– Эксперт продолжает работать.

– Значит, не нашли. Видеозапись есть?

– Магазин не оборудован...

- Понятно. Что похитили, известно?
- Да, дневную выручку из кассы, несколько курток и брюк, но часть украденного он потом бросил.
- Когда произошло ограбление?
- Сигнализация сработала в четыре ноль восемь.
- Так почему вы докладываете только сейчас?
- В темноте никто не обратил внимания на способ вскрытия замка. Эксперт приехал только утром, но как только мне доложили, я немедленно...
- Срочно пришлите мне описание украденной одежды и дайте всем постовым ориентировку на человека, одетого во что-то подобное, в руках у него может быть тубус или футляр от музыкального инструмента. Сами задерживать пусть не пытаются, только вызывают группу захвата.

– Слушаюсь, господин комиссар!

Комиссар выключил коммуникатор. Ну как можно так работать? Один из беглецов совершил ограбление более шести часов назад, а он только сейчас узнает об этом. Комиссар нашел этот городишко на карте. Куда он мог податься? Если успел воспользоваться монорельсом, то уже мог уехать за пределы столичного округа. Мысли о том, что беглец мог направиться в столицу, где на каждом шагу полицейские патрули проверяют документы, у комиссара не возникло.

На небритого и не очень хорошо пахнущего субъекта пассажиры поезда подозрительно косились, но полицию никто не вызвал. Вел он себя тихо, сидел в углу, держал между ног какую-то обмотанную тряпками штуку, никого не трогал, ни с кем не разговаривал. Да и не было в поезде полицейского патруля, после четырех дней усиленного режима несения службы часть полицейских еще отдыхала. Контролерша, наморщив носик, проверила у бродяги билет и пошла дальше. Рискованно, конечно, а что делать? Срок третьего сеанса связи уже близок, а результат спрятан в вентиляционной камере столичного вокзала.

В то время, когда начальник полиции докладывал комиссару о происшествии, Вольдемар уже стучал в дверь вентиляционной. Минут через пять его усилия увенчались успехом. Лязгнул запор, дверь приоткрылась, и в проеме нарисовалась уголовная морда.

– Чего?

– Того.

Дескин ткнул стволом замотанной в тряпку винтовки туда, где у морды должен быть живот. Когда обладатель этих частей тела согнулся, то получил прикладом винтовки по затылку, лишние свидетели Дескину были не нужны. Штыком он выковырял из знакомой щели грязь и затыкавшую ее тряпку. Подцепил кончиком штыка карточку удостоверения личности, а потом и карту памяти. Все на месте. Будем надеяться, что информация уцелела. Впрочем, кристаллы карт памяти – штука надежная. На выходе Вольдемар проверил пульс у тела, лежавшего возле двери. Жить будет. Через пять минут он уже смешался с толпой на улицах столицы.

Вольдемар стволом винтовки отодвинул мешавшую обзору ветку и замер, прислушиваясь к лесной ночи. Прошло минуты три, никого. Тогда он осторожно, стараясь ступать бесшумно, приблизился к радиомаяку. Но стоило ему откинуть крышку панели управления, как сзади раздалось:

– Стой! Двадцать.

– Минус три, – не сразу сообразил Дескин.

– Капитан Деми!

Вольдемар обернулся.

– Горм?!

– Так точно, господин капитан!

– А я вас уже похоронил. Ты один?

– Один. Ранили меня в самом начале. Ребята меня камнями завалили и гвардейцев отвлекли, а собак у них не было. Я так под камнями двое суток и пролежал, когда все закончилось, выбрался – и сюда. Почти три месяца здесь сижу.

– Как рана? Не беспокоит? А ешь ты здесь что?

– Рана беспокоит, но не сильно. А летом в лесу от голода не умрешь. Вот когда нас в пустыню выбрасывали, тогда с едой действительно туго было.

– Мне бы твои навыки, – позавидовал Вольдемар. – А что же катер не вызвал?

– Да пока без сознания был, адрес в сети забыл, – даже в темноте было видно, как расстроен своей промашкой Горм. – Информации нет, группы нет. Что я нашим скажу?

– Правду. В этом случае лучше говорить правду. Но теперь информация у нас есть. Ребята погибли не зря.

Вольдемар прогнал тест радиомаяка и убедился, что все в порядке. Горм наблюдал за его действиями.

– Порядок? – напрягся спецназовец.

– Полный.

Дескин нажал кнопку вызова, радиомаяк выплюнул в космос невидимый сигнал. Через несколько секунд пришел ответ.

– Нас услышали, – расслабился Вольдемар. – Слушай, а почему у тебя кличка такая странная – Горм?

– Я себе кличку Гром взял, – смутился спецназовец. – Да на учениях лопухнулся, коды связи перепутал. Тогда лейтенант Дэн и сказал, что на Грома я не тяну, только на Горма. С тех пор так и зовут.

Через двое суток за ними прилетел катер.

Глава 3

Начальник

Пот заливал глаза, винтовка тянула к земле, ноги подкашивались, а в правом боку начало колоть. Вольдемар автоматически перебирал ногами, с трудом разбирая дорогу. В голове осталась только одна мысль: когда все это закончится? Конец наступил как всегда неожиданно.

– К бою!

Падая, Вольдемар сорвал лазер с шеи и направил ствол на внезапно появившегося «противника». Безуспешно постарался выровнять дыхание и доложил:

– Капитан Дескин к стрельбе готов.

– Огонь!

Десять выстрелов. Сержант-инструктор пискнул секундомером. Дескин поставил винтовку на предохранитель. Хорошо, что это была республиканская винтовка, с более тяжелой имперской было бы намного труднее.

– Уложился? – в голосе Вольдемара присутствовала слабая надежда.

– Не совсем, господин капитан.

– Сколько?

– Семнадцать секунд. Меткость сейчас доложат.

Семнадцать секунд! Ерунда. На первой тренировке он не дотянул до норматива больше двух минут, а в мишень попал всего два раза. Точнее, в самый край мишени, почти промазал.

– Шесть попаданий, два в центре, – сержант озвучил результат, сообщенный ему по рации.

Шесть, а надо семь как минимум. И на семнадцать секунд быстрее, чтобы выполнить простейшее упражнение республиканского спецназовца. Тренироваться, конечно, надо больше, а когда? Подотдел еще только создавался, и свалить все дела на заместителя, а самому свалить на полигон флотского батальона специального назначения удавалось не чаще, чем два раза в неделю. Но, вырвавшись из кабинета, Вольдемар тренировался до полного изнеможения. И результаты были. Не такие хорошие, как хотелось бы, но были. По крайней мере, сейчас спецназовцам не пришлось бы таскать его на себе во время такого марш-броска, какой им пришлось совершить на Онате, уходя от преследования гвардейцев. Вспомнив Онату, Дескин помрачнел. Из всей группы их только двое осталось, он и спецназовец из этого батальона, Горм. Причем Горм до сих пор из госпиталя не выписался. Хорошо, что вспомнил, надо будет навестить.

Кабинет в штабе флота Дескин делил со своим заместителем, лейтенантом Эйно Табером. Бравый командир диверсионной группы из флотского батальона специального назначения был тяжело ранен во время боев на поверхности Варена и почти год пролежал в госпитале. Однако полностью восстановить здоровье лейтенанту не удалось, и вернуться в ряды спецназовцев ему не светило. Тогда его и пристроили заместителем к Дескину. Табер быстро, гораздо быстрее, чем сам Вольдемар, освоился в штабе флота и теперь, по сути, тянул большую часть текущих дел. Свалив на заместителя текучку, Дескин занимался организацией поддержки специальных операций, в чем весьма преуспел.

– Что у нас на сегодня?

Табер вывел на экран свой ежедневник.

– В десять ноль-ноль ваш визит к начальнику штаба.

– Помню, что еще?

– Согласование плана по обеспечению высадки разведгрупп.

– Хорошо, дальше.

– Дальше обед, – напомнил Табер.
– Ну, это святое, – кивнул Дескин. – А после обеда?
– Пока ничего существенного, но после визита к адмиралу что-нибудь, думаю, появится.
– Не сомневаюсь, – согласился Вольдемар. – Я пошел по начальству, а ты тут бди.
– Есть бдеть, господин капитан, – ответил Табер. – А что именно бдеть?
– Кресло мое бди. Здесь тебе не какой-нибудь имперский тыл, а штаб нашего родного флота. Здесь бдительность нужна позарез, а то не успеешь за дверь выйти, как кресло твое займут и скажут, что так и было, – выдал установку Дескин, уже направляясь к двери.
– Шифровальщикам расписание сеансов связи отдайте, – в последнюю секунду вспомнил Табер.

– Ладно, давай. – Дескин взял у заместителя папку с грозным грифом.

Время до десяти еще было, и Вольдемар решил начать с шифровальщиков, точнее, с шифровальщицы. За подотделом капитана Дескина была неофициально закреплена Вирджиния Кэрри. Девушка, окончившая математический факультет столичного университета, явно метила на должность криптоаналитика, но пока набиралась опыта в качестве обычной шифровальщицы. Преодолев два поста внутренней охраны, Вольдемар нажал на кнопку звонка. Каждый шифровальщик занимал небольшую клетушку, полностью изолированную от внешнего мира. Щелкнул замок, и он попал в святая святых штабного узла связи.

– Здравствуйте, Вирджиния.

– Добрый день, господин капитан, – девушка встретила его доброжелательной улыбкой.

– Расписание сеансов на завтра.

Дескин протянул шифровальщице папку. Подобную информацию всегда передавали лично, не доверяя даже внутренней сети штаба.

– Спасибо, капитан.

Девушка углубилась в ее изучение. Взгляд Вольдемара задержался на блузке Вирджинии: две верхние пуговицы были расстегнуты. Еще тридцать секунд назад, когда он заходил в крошечный кабинет, блузка была застегнута полностью. Когда и как пуговицы оказались расстегнуты, он не заметил, хотя находился всего в метре от девушки. И что это значит? Тонкий намек? Осознав, что он неотрывно пялится на грудь Вирджинии, Вольдемар поспешно отвел взгляд. Вроде официальная цель визита была выполнена, пора прощаться.

– До свидания, Вирджиния.

– До свидания, капитан.

Дескин поспешно ретировался из шифровального отдела и по дороге к приемной вице-адмирала постарался выбросить из головы столь приятный мужскому глазу вид, который только что открылся ему.

Начальник штаба находился в хорошем настроении. Даже не поинтересовавшись текущими делами, он сразу выложил две новости. Вопреки традиции, обе были хорошими.

– Вашему подотделу передается корабль для руководства действиями малых групп на поверхности планет. На полноценное штабное судно, конечно, не тянет, но своему назначению вполне соответствует.

– Разрешите вопрос. Это корабль специальной постройки?

На лице вице-адмирала расплылась ехидная улыбка:

– Вот завтра и узнаете. Не волнуйтесь, он вам понравится. Корабль сейчас находится в доке, команда уже сформирована, завтра отправляйтесь принимать. Вторая новость – вас наградили за доставку информации с Онаты.

– Надеюсь, не меня одного, господин вице-адмирал.

– Естественно. Жаль, что почти всех посмертно, но это война. А вам в пятницу при полном параде надлежит прибыть в сенат в одиннадцать тридцать. Начало церемонии награждения в двенадцать ноль-ноль. Вопросы?

– Никак нет, господин вице-адмирал.

– Тогда вы свободны, капитан.

Добравшись до своего кабинета, Дескин отмахнулся от шутивого рапорта заместителя. Приземлившись в сохранный Табером кресло, Вольдемар задумался. Новый корабль это хорошо, но почему начальник штаба улыбался так ехидно? Ладно, завтра увидим, что это за подарок. Мысли плавно перетекли на содержимое выреза блузки Вирджинии Кэрри. Когда симпатичная и образованная девушка из хорошей семьи появилась в штате шифровального отдела, то немедленно стала объектом атаки штабных самцов. Однако и желторотые лейтенанты, и умудренные опытом капитаны всевозможных рангов не смогли добиться даже самых минимальных успехов в деле ухаживания за Вирджинией. Сам Дескин даже не пытался вступить в многочисленные ряды ухажеров, и вдруг такой тонкий намек. Или ему показалось? В любом случае, Вирджиния Кэрри – это не на одну ночь, это очень серьезно. И что? Жениться? Хозяйством обзавестись, детишек нарожать? В последний момент Вольдемар удержался от плевка на блестящий пол кабинета. Набрал на коммуникаторе начальника шифровального отдела:

– Господин капитан, я прошу передать сеансы связи нашего подотдела другому шифровальщику.

– Госпожа Кэрри сделала что-то не так?

– Все нормально, никаких претензий к госпоже Кэрри нет, но я прошу выполнить мою просьбу.

– Ну, хорошо. Если вы просите...

Вот так, раз – и все. А желающих, чтобы их сеансы связи обслуживала Вирджиния Кэрри, в этом здании найдется немало. В очереди стоять будут.

– Жив! Жив, старый ворюга!

– Я и дальше жить буду, если вы меня сейчас не задушите, господин капитан.

Двое мужчин в космических комбинезонах республиканского флота плавали по отсеку, натываясь на переборки. На них удивленно взидала остальная команда корабля. Никто не понял, с чего это вдруг новоявленный начальник, не дослушав рапорта командира, вдруг кинулся обниматься с механиком.

Едва попав в док, Вольдемар понял ехидную улыбку вице-адмирала и его слова о «новом» корабле. Он узнал его сразу. Узнал, несмотря на обвешанный новыми антеннами корпус, другие двигатели, новые пусковые установки корабельных ракет и блестящую свежим покрытием обшивку. Только сам корпус и лазерная пушка остались от прежнего «Сокола» под номером четыре. И еще механик. Прежде чем добраться до него, Вольдемар еще раз пробежал взглядом по команде корабля в поисках знакомых лиц. Нет, больше никого, только седой сержант-механик. Остальные растворились в потоке времени, а также крупных сражениях и мелких боях этой затянувшейся войны.

Закончив изливание чувств и выплеснув поток радостных эмоций от встречи с сержантом Данилевицем, капитан Дескин выслушал рапорт командира корабля – свежепроизведенного младшего лейтенанта. Тот еще не отошел от легкой эйфории, вызванной получением нового звания и должности командира корабля. Вольдемар вспомнил свои чувства при виде побитой временем и событиями старой галоши, теряющей полпроцента корабельного воздуха за одни стандартные сутки. Тогда за ремонт шлюза пришлось махать кулаками, а случайно подвернувшийся комплект труб для топливопровода считался большой удачей. Но это был его второй шанс, и он его не упустил.

Сейчас корабль уже был переклассифицирован из сторожевика в командно-десантный корабль с бортовым номером один. Для этого на нем установили соответствующую аппаратуру и оборудование для сброса десантной капсулы, а также узел для стыковки с космическими

катерами. Ангар для десантного катера в такой маленький корпус не влез, а жаль. Это обстоятельство исключало использование КДК для эвакуации разведывательных групп с поверхности планет. Новый командир гордился своим кораблем, он просто светился от гордости, когда знакомил с ним начальника подотдела. Младший лейтенант подробно расписывал возможности новой аппаратуры, сыпал техническими характеристиками и цифрами. Чувствовалось, что свой корабль он изучил досконально, а срок пребывания в должности командира у него был совсем невелик. За последнее время офицерский состав здорово очистили от балласта. Закончив осмотр новой боевой единицы, Дескин поставил новому подчиненному жирный плюс и подвел итог:

– Как я понял, лучше всего вы можете прикидываться большой каменной глыбой.

– Так точно. Отраженный от корабля сигнал радиолокатора полностью соответствует сигналу от метеороида.

– То есть, пока вы не используете двигатели или собственный локатор, идентифицировать цель как корабль можно только визуально?

– Так точно, – подтвердил командир КДК. – Но визуально... Вы же понимаете.

– Я понимаю, что если какая-нибудь гадость может случиться, то она обязательно произойдет, причем непременно с вами. А способность вашего корабля прикидываться булыжником и не отсвечивать будет проверена в ближайшее время.

Закончив официальную часть, Вольдемар посмотрел на часы. До отхода катера на планету оставалось тридцать пять минут.

– Вы можете отпустить вашего механика на полчаса?

– Конечно. Я понимаю, вы же вместе служили.

Через тридцать минут Вольдемар прощался с Данилевичем у катерного шлюза:

– Может, все-таки устроить тебе перевод на планету, сколько можно рисковать?

– Спасибо, капитан, но я остаюсь. Там у меня никого и ничего нет, а здесь я привык уже.

Почти тридцать лет на кораблях.

– Удачи тебе, сержант.

– Чувствую, она мне скоро понадобится.

Ровный строй офицеров в парадной форме был начищен, наглажен и проинструктирован. Впрочем, не только офицеров: в строю были три сержанта и даже один рядовой. Флотские мундиры смешались с формой космодесантников, а между ними зеленели вкрапления сухопутчиков. Распорядитель церемонии награждения расставил награждаемых в одному ему известном порядке и сейчас в десятый раз давал указания по порядку церемонии:

– Вы, господин майор...

– Я капитан второго ранга, – возразил стоявший в середине строя невысокий крепыш.

– Вы, господин капитан второго ранга, – бесстрастно продолжил распорядитель, – после входа в зал поворачиваете направо, и идущие за вами занимают кресла второго ряда...

Вольдемар пропускал эти инструкции мимо ушей, все-таки во второй раз уже здесь. Наконец высоченные двери распахнулись, и колонна участников церемонии втянулась в зал. Капитан Дескин оказался во втором ряду. Устроившись поудобнее, Вольдемар пробежал взглядом по парадному залу. Ничего не изменилось, все те же ряды кресел, трибуна для произнесения речей, награждающие, награждаемые, гости. Стоп! Дескин перехватил чей-то взгляд.

«И чего этот на меня уставился? Может, кто-то из знакомых? Хотя откуда у меня знакомые в сенате?»

Дескин отвернулся и постарался сосредоточиться на церемонии. Не получилось. Нет, определенно знакомая морда. Где он мог ее видеть? Вольдемар начал перебирать лица, сохранившиеся в памяти. Астгартус? Варен? Нет, не то. Тара? Галарда? Совсем мимо. Зеда? Точно!

Дескин даже подпрыгнул, невысоко, но ордена на груди звякнули.

«Вот это встреча! А он изменился, поседел, солидности набрал, костюмчик более чем приличный, рубашечка накрахмаленная, галстук в клеточку. Но он меня первым увидел, вон как уставился и ручкой машет. Да узнал, узнал, но в ответ махать не буду, распорядитель и так уже волком смотрит. Придется отложить встречу до конца церемонии».

А церемония затягивалась. Два десятка награждаемых, речь награждающего, ответная речь награждаемого, поздравления. И все это время, время. Вольдемар даже заерзал от нетерпения. Чуть не пропустил свою фамилию. Вышел на автомате, принял коробочку со звездой из рук престарелого сенатора, выслушал его приветственное бормотание. Ответную речь толкнул вдохновенно, награждавший его дедушка чуть не прослезился. Плюхнувшись обратно в кресло, опять поймал взгляд из рядов гостей. О, знаки какие-то подает, еще понять бы, что он сказать хочет. И как он вообще сюда с Зеда попал? Ладно, конец этого балагана уже не за горами.

Повинуясь знаку распорядителя, военные потянулись из зала, их ожидала наиболее интересная часть приема – банкет. Однако Вольдемар решил сначала разыскать старого знакомого. Оторвавшись от общей группы, он направился к выходу для гостей, но по дороге был перехвачен крепким молодым человеком в строгом костюме.

– Вольдемар Дескин?

По искре интеллекта в глазах спрашивающего Вольдемар догадался – охранник.

– Да, я Дескин.

– Сенатор Теодор Нейман приглашает пройти вас к нему в кабинет.

– Кто? Сенатор?!

Вольдемар с трудом проглотил восклицание, но буря эмоций, прокатившаяся по лицу, не осталась незамеченной. Секьюрити едва заметно улыбнулся:

– Следуйте за мной.

Вот это кульбит! Из инженера занюханых электрических сетей в сенаторы! И всего-то десять лет прошло. Каков гусь! Вслед за охранником Дескин зашел в кабину сверкающего зеркалами и хромом лифта, который вознес их на верхние этажи здания сената. Здесь располагались рабочие кабинеты сенаторов. Отделка коридора оказалась неожиданно скромной.

– Вам сюда.

Охранник указал на одну из дверей, которая ничем не отличалась от остальных, никакой таблички с указанием имени владельца кабинета не было, только четырехзначный номер. Вольдемар нажал на ручку, за дверью оказалась приемная с диваном и столом секретаря. И диван, и кресло секретаря пустовали. Дескин прошел ко второй двери, снова нажал на ручку и сделал шаг вперед. Хозяин кабинета поднялся навстречу из монументального кресла, которое стояло за еще более монументальным столом.

– Здравия желаю, господин сенатор! – рявкнул вошедший.

Не ожидавший такого Нейман даже притормозил, потом заметил:

– Достаточно было просто сказать «здравствуйте».

– А кто его знает, может, господин сенатор забыл, как мы с ним в темноте на четвереньках ползали.

– Забыл? – возмутился «господин сенатор». – Глянь-ка туда.

Указующий перст сенатора нацелился на стеклянную дверцу витрины, стоявшей у стены, справа от стола. За стеклом, на роскошной деревянной подставке, стояла потертая ручная граната.

– Неужели?! – изумился Дескин.

– Та самая, – подтвердил Нейман. – А ты говоришь, забыл. Чудом сохранилась, вот и решил на память оставить. Подставку заказал, детонатор из запала убрали, но сам заряд, кстати, на месте.

– Ну, тогда здравствуйте, господин лейтенант!

– Здравствуй, Вольдемар! Чертовски рад тебя видеть живым.

Первым свою эпопею рассказал Дескин. Нейман внимательно слушал, ахал, охал, качал головой, задавал вопросы, вдавался в заинтересовавшие его подробности. Два часа пролетели незаметно. Наконец, Вольдемар иссяк.

– Да-а-а, – потянул восклицание Нейман. – На два приключенческих романа хватит. Как минимум.

– Да я-то что. Как вы в этот кабинет попали?

– Сам удивляюсь, – ответил Нейман, подумав, и продолжил: – Наверное, удачное стечение обстоятельств, плюс былые заслуги. Сначала восстанавливал городскую энергетику, потом планетарную, а потом вдруг оказался единственным кандидатом в министры энергетики в планетарном правительстве. А что? Образование соответствующее, стаж по специальности приличный, послужной список безупречный, плюс участие в сопротивлении, плюс ранение. Герой! Ну как такого не выдвинуть.

– Ну и чего вам не сиделось в министерском кресле? – не без ехидства поинтересовался Дескин.

– Мне там хорошо сиделось. Со стороны, конечно, видней, но я не самым худшим министром был. По крайней мере, пока я в этом кресле сидел, ни один человек от холода не умер, ни одного здания не разморозили, а объем производства почти довели до довоенного. Но полгода назад прошли выборы. Обычно двух сенаторов выдвигает победившая партия, одного оппозиция. А тут голоса почти поровну разделились, драка была... Потом договорились, по одному от партий выдвигают и одного независимого. Тут я им под руку и подвернулся. Человек небезызвестный, технарь, в политических интригах не замечен. Вот мне и сделали предложение, от которого я не смог отказаться.

– А на награждение вы случайно попали?

– Фамилию «Дескин» в списках награжденных я случайно увидел, а на награждение специально пришел. Вольдемаров Дескиных в республике не так много. Подумал: вдруг старый знакомый нашелся? И, как видишь, угадал. – Сенатор взглянул на часы. – А на банкет ты уже опоздал.

– Ну и черт с ним, – отмахнулся Вольдемар. – Вы мне лучше скажите, когда вся эта бодяга закончится?

– Ты это о чем?

– О войне. Сколько она еще тянуться будет? Сначала все было понятно, на нас напали, мы отвечаем. Почти весь флот угробили, но хоть понятно за что. И результаты были, за один Варен массу народа положили, и на планете, и в космосе, но удержали. А сейчас что творится? Только какие-то силы накопили, сразу в бой. Экипажи неопытные, пилотов истребителей готовить едва успеваем. А я чем занимаюсь? Ну, высаживаются наши разведывательные группы на планеты, чего-то там вынюхивают. А толку от этого? Сил для реализации информации все равно не хватает. Людей только зря теряем. Надоело. Вот и скажите мне, господин сенатор, долго еще это будет продолжаться?

– Все сказал? – Нейман выдержал паузу. – Не по адресу вопрос. Я в этом кабинете всего третий месяц, еще мало что знаю и почти ничего не могу. Но во многом ты прав, ситуация действительно сложилась странная. Сил для решительной победы нет, и собрать их никак не удастся. Дальнейшие военные действия будут только увеличивать потери, не давая значимых результатов. Если бы это была война на истощение ресурсов, то рано или поздно она закончилась бы сама вместе с ресурсами одной из сторон, но это не наш случай. Я тут одну цифру нашел, которой в открытой информации нет. На военное производство республика тратит чуть больше пяти процентов своих ресурсов. Представляешь? Пять процентов, почти как в мирное время. Так мы еще сто лет воевать можем.

– Действительно странно, – согласился Дескин. – А мне казалось, что все силы брошены на строительство флота.

– Какова численность населения Республики?

– Больше пятидесяти миллиардов.

– Пятьдесят два и семь, согласно последней переписи, – уточнил сенатор. – А сколько у нас в вооруженных силах?

– Миллионов двенадцать, может, пятнадцать, – высказал свою оценку Вольдемар.

– Десять с половиной, если быть точным. То есть ресурсов у нас завались, и людских, и материальных. Можно мобилизовать промышленность, вооруженные силы в разы увеличить, кораблей понастроить, экипажи обучить...

– И победить? – Вольдемар продолжил мысль сенатора.

– Можно и победить, но можно и проиграть. Потому что это и будет война на истощение ресурсов. Противоположная сторона сделает то же самое, потери вырастут на порядки и лет через десять-двадцать один дохляк падет к ногам другого, сохранившего каплю сил. Только кому она нужна, такая победа?

– А кому нужна такая вялотекущая война?

– Многим. К сожалению, очень многим. И чем дольше она идет, тем больше народа ею кормится. Вот взять хотя бы Кагершема...

– Какого из Кагершемов?

– Да любого. Один почти все военные подряды под себя подгрел, от миллионов скоро лопнет, и все ему мало. Второй флот в свое владение превратил, сенатская комиссия во флотские дела боится нос сунуть. И этого ему уже, чувствую, недостаточно. В последнее время из новостей не вылезит, на всех каналах красуется, чуть ли не в отцы нации метит.

– А сенат ваш куда смотрит?

– Туда и смотрит! В карман одному и в рот другому. Не все, конечно, но многие. Да и не в одних Кагершемах дело. Таких деятелей возле войны много крутится, да и не только возле, на самой войне тоже хватает. Вот взять, к примеру, тебя...

– А что я? – удивился Вольдемар.

– Ты за пять лет после академии из сержантов в капитаны третьего ранга прыгнул, а если бы не война, то ты сейчас младшим лейтенантом был бы, но мог и сержантом остаться.

– Если бы не война, мои родители были бы живы, – вспыхнул Дескин. – А я бы сейчас инженером был. А сами вы, господин Нейман, из муниципальных инженеров лихо прыгнули в сенаторы тоже благодаря войне.

– Извини, Вольдемар, я выбрал очень неудачный пример, но сути это не меняет. А что касается меня, то я с удовольствием отдал бы это кресло за то, чтобы не было никакой войны и самой большой моей проблемой было короткое замыкание в старом кабеле.

– Вы меня тоже простите. Нервы у меня не железные. Пойду я, пожалуй.

– Ну, вот и поговорили, – подвел итог сенатор. – Но ты еще заходи, не забывай старого Неймана.

– Да какой вы старый, – Вольдемар постарался подбодрить погрузневшего Неймана. – Мы еще на вашей свадьбе станцуем.

– А ты знаешь, – Теодор Нейман вдруг хитро улыбнулся, – я ведь женился, четыре года назад.

– Как? – ахнул Вольдемар и взглядом прошелся по руке сенатора в поисках кольца.

Нейман перехватил взгляд Дескина.

– Да не ношу я кольца, не привык как-то. Всего несколько раз после свадьбы надевал.

– А кто она? – поинтересовался Вольдемар. – Надеюсь, не ваша бывшая секретарша?

Сенатор бросил на Вольдемара подозрительный взгляд:

– Секретарша... Но ты не думай, никаких грудастых блондинок с ногами от ушей. Она всего на пять лет моложе меня, вдова. Очень хорошая женщина, я тебя с ней еще познакомлю.

– Поздравляю! – Вольдемар в порыве чувств обнял Неймана. – А дети у нее есть?

– Нет. И, наверное, уже не будет. Поздно нам, – погрузился сенатор.

– Еще раз простите меня.

– Да ничего, – отмахнулся Нейман.

– Ладно, мне пора. Дела, знаете ли. До свидания, господин сенатор.

– До свидания. Обязательно до свидания, Вольдемар.

Дескин нажал на ручку двери и вышел.

– Огонь!

Десять выстрелов, писк секундомера.

– По времени уложились, а вот меткость не очень. Всего четыре попадания. Вы сегодня какой-то рассеянный, господин капитан.

Рассеянный. Какая тут меткость, когда в голове все кувырком. Чертов Нейман! А ведь как хорошо все было до вчерашнего дня, просто и ясно. На Республику напали, он, Дескин, ее защищает. Правда, постепенно справедливая война переросла сначала в активную, а потом довольно вялотекущую и абсолютно бессмысленную бойню без видимых перспектив. А вчера скотина Нейман между делом поведал, что для Вольдемара и ему подобных это война, а для больших людей по обе стороны космического фронта – мероприятие по перераспределению финансовых потоков и решению частных политических задач. А самое главное, что останавливать весь этот балаган никто и не собирается. После подобных мыслей вся деятельность капитана Дескина в штабе флота показалась Вольдемару мелкой и никому не нужной.

Между тем, сержант-инструктор воспринял затянувшуюся паузу как огорчение капитана по поводу провальной стрельбы.

– Разрешите совет, господин капитан.

– Давай.

– Не пытайтесь до всех нормативов дотянуться, они для молодежи написаны, и их уровня вам уже не достичь. Да и не надо, работа у вас другая, достаточно просто себя в форме держать.

Вольдемар грустно улыбнулся. Двадцать восемь, а уже старик.

– Вы, сержант, не моложе меня, а все нормативы перекрываете с солидным запасом. Бежали мы вместе, но у меня язык на плечо, а вы только покраснели слегка.

– Я же инструктор. Как я буду других учить тому, чего сам выполнить не в состоянии? Поэтому я каждый день тренируюсь, а вы всего два раза в неделю, да и то по два-три часа. Впрочем, кроме вас, штабные здесь вообще не появляются.

Прав сержант, до уровня спецназовцев уже не дотянуться: и возраст, и штабная служба не позволят. Однако пора, возвращаться в штаб не хотелось, но пришлось.

Нехорошие мысли, мучившие Вольдемара всю дорогу, немедленно оправдались, как только он открыл дверь своего кабинета. Все плохие новости были написаны на лице заместителя прописными буквами, оставалось только уточнить детали.

– Кто?

– КДК-один.

– Экипаж? Есть выжившие?

– Никого, – ответил лейтенант Табер. – Экипаж погиб в полном составе.

КДК-1 в одиночку путешествовал по планетной системе, в которую входила Тара, прилепившись к одному из астероидов. В принципе, корабль мог маскироваться и сам, но так было надежнее. Вся операция по высадке разведывательной группы была разыграна как по нотам и сейчас вступала в завершающую фазу. Поскольку противодействия противника не ожида-

лось, десантный катер решили не бросать, а забрать с собой. Для этого привлекли к операции довольно крупный корабль с большим ангаром, куда катер мог войти достаточно быстро. Катер уже подобрал группу и готовился стартовать в космос. В рубке КДК-1 царило радостное волнение, еще немного, катер будет подобран и можно возвращаться домой.

– Крейсер!

Измученно-испуганный вопль оператора раздался абсолютно неожиданно. Все взгляды метнулись к экрану тактического компьютера в надежде, что оператор ошибся. Не ошибся. Хотя аппаратура командного корабля работала в пассивном режиме, она смогла идентифицировать цель по мощности исходящих от крейсера радиосигналов. Само появление здесь крупного военного корабля считалось событием почти невероятным. У Коалиции оставалось не так много кораблей этого класса, чтобы гонять их по задворкам второстепенных, с военной точки зрения, планет. Сейчас, накапливая информацию, компьютер рисовал траекторию движения крейсера. К сожалению, траектория направлялась к Таре, точнее, к зависшему на околопланетной орбите десантному кораблю.

– Не успеют, – подвел итог младший лейтенант.

Действительно не успевали. Пока подберут катер, пока разгонятся, а крейсер уже начал интенсивное торможение, пять «же» как минимум.

– К бою!

В рубке КДК-1 команда была встречена скорее с удивлением. К какому бою? На старом, пусть и модернизированном, сторожевике – с крейсером?

– Он нас сожрет и не подавится, – выразил общее мнение артиллерист.

– Заткнись, – прошипел механик и уже громче: – Ну, что замерли? Команды не слышали?

Рубка зашевелилась, посыпались доклады о готовности. Сержант Данилевич поспешил в свой пост управления двигателями бывшего сторожевика.

– У нас есть шанс?

На этот вопрос своего подчиненного старый сержант покачал головой:

– Нет. Против крейсера никаких шансов.

– Тогда зачем?

– Лейтенант хочет отвлечь внимание крейсера на нас и дать десантному кораблю возможность уйти.

– А получится?

– Увидим. Пост управления двигателями к бою готов!

Остановить крейсер действительно было нельзя, но помешать ему было можно. Командир КДК-1 увидел неплохую возможность сделать это. Траектория, по которой тормозил крейсер, проходила рядом с астероидом, за которым прятался командный корабль. При этом для интенсивного торможения крейсер использовал маршевые двигатели, то есть летел кормой вперед. Если вклепить все четыре ракеты в эту корму, то экипажу крейсера с поврежденными маршевыми двигателями надо будет думать о собственном выживании, а не о продолжении охоты. Неприятность заключалась в том, что как только КДК-1 включит свой радиоприборный комплекс, он будет немедленно обнаружен крейсером, и уйти от ответного залпа ему уже не удастся. Можно было попытаться использовать в качестве укрытия астероид, но умные ракеты могли найти корабль и там, даже если он успеет спрятаться.

Артиллерист крейсера сработал безупречно. Несмотря на поврежденные двигатели, рыскание корабля и легкую панику в рубке, он выждал, когда внезапно атаковавший их сторожевик войдет в зону наиболее вероятного поражения, и, не скупясь, выпустил по нему сразу четыре ракеты. Хватило бы и двух. Уже первая превратила КДК-1 в груды металлолома, вторая прошла мимо, третья и четвертая разнесли остатки корпуса на более мелкие фрагменты. Отчаянно тормозя маневровыми двигателями, крейсер старался замедлить свой малоправляемый полет в бездонную черноту космоса. Десантный корабль республиканцев спешно подхватил

катер с разведчиками и, набрав ход, улепетывал прочь из такой негостеприимной системы. Только в поясе астероидов добавилось несколько крошечных, по космическим меркам, стальных обломков, которые постепенно занимали свои места на орбитах вокруг местной звезды. Им торопиться было некуда.

Глава 4

Пацифист

Вольдемар рассматривал список, выведенный на экран коммуникатора. Не читал, а именно рассматривал. За последние три дня он прочитал его больше сотни раз и помнил наизусть. Да и был этот список очень коротким, всего одиннадцать имен и столько же фамилий – весь экипаж командно-десантного корабля с порядковым номером один. В этом списке под седьмым номером стояла фамилия Данилевича, должность – старший механик, представлен к Военному кресту третьей степени, в скобках – «посмертно». Такая же пометка стояла напротив десяти остальных членов экипажа КДК-1. Список представляемых к награде был готов еще три дня назад, его уже давно пора было отправлять начальству, но капитан Дескин оттягивал эту печальную процедуру. Ему почему-то казалось, что пока список не отправлен, еще есть надежда на возвращение корабля, а отправить представление наверх все равно, что подписать окончательный приговор всему экипажу. Глупость, конечно, телеметрия, принятая десантным кораблем, однозначно свидетельствовала о полном уничтожении КДК, ни одной спасательной капсулы отстрелено не было.

Вольдемар оторвал глаза от коммуникатора. Незримая тяжесть давила на сердце. Он тяжело вздохнул, потом со злостью хлопнул по клавише. Список представленных к наградам членов экипажа КДК-1 отправился в путешествие по инстанциям. Незримая бюрократическая машина пришла в движение. Захрустела своими бюрократическими шестеренками, зашелестела пластиком документов, выплеснула из своих бюрократических конденсаторов заранее накопленную там энергию, погнала электроны по своим сверх- и полупроводникам. И все ради того, чтобы через некоторое время выплюнуть наружу тот же список с рядом подписей и согласований. И тогда через бескрайнюю черноту космоса и прозрачное стекло оптического волокна в разные концы Республики помчится беда. Где-то упадет в обморок мать, где-то зарыдает вдова, будут кричать дети, молча сожмут кулаки мужчины. Зачем? Зачем все это? Ради чего?

Вспомнился сержант Бобев, умерший на руках у Вольдемара в первый день высадки астенцев, и лицо астенского пехотинца, которого он убил в полумраке обесточенного цеха. А потом пошла целая череда лиц, молодых и старых, тех, кого хорошо помнил, и тех, чей образ почти стерся из памяти. Отец, мама, Браун, Билл Кагершем, Радек и еще десятки других, с кем столкнула военная судьба и тут же навсегда разлучила. Теперь еще и Данилевич. Сколько можно? У каждого на войне есть свой предел. Видимо, капитан третьего ранга Дескин достиг своего. Сейчас он сидел в удобном кресле, в своем кабинете, в надежно охраняемом здании штаба флота. А здание это находилось на самой защищенной планете Республики. Вольдемар сейчас не видел мелькания лазерных лучей, не ощущал ударов по корабельной обшивке, проламываемой боеголовками вражеских ракет, не слышал шипения воздуха, утекающего из отсека в космический вакуум, не испытывал ужаса еще живых людей, несущихся в мрачную черноту внутри искореженных и безжизненных корпусов кораблей. Но война продолжала дотягиваться до него и в этом обжитом кабинете хорошо охраняемого здания на самой защищенной планете.

Еще недавно все было просто и понятно. Вот враги, вот свои, а вот приказ, что нужно делать с врагами. Последний разговор с Нейманом многое перевернул в душе Вольдемара Дескина. Кое о чем он догадывался и раньше, но не мог, а может, и не хотел сделать окончательные выводы. Эти выводы за него сделал сенатор. И сразу возникла масса новых вопросов. Зачем? Ради чего? Сколько можно? И самый главный: что делать дальше? Можно продолжать сидеть в этом кабинете, отправлять на смерть одних и писать представления на других. Новых орденов, может, и не дадут, но погоны капитана второго ранга наверняка обломятся в ближайшей перспективе. Можно написать рапорт и пойти на передовую. До сих пор везло, но лимит

везения не бесконечен. И тогда даже заплакать по Вольдемару Дескину будет некому. Нет, это тоже не выход. А где? Где выход из этой ситуации? Где эта точка опоры, и какая должна быть длина рычага, чтобы свернуть эту несущуюся в кровавую пропасть массу с ее гибельного пути?

Вольдемар задумался. Задача казалась неразрешимой. Как мог повлиять на ситуацию в Республике начальник третьеразрядного подотдела штаба одного из родов войск, пусть и самого могущественного? Да никак! Слишком мала его масса и слишком незначительна сила. Значит, надо найти союзников, имеющих и массу и силу. Первый напрашивался сам собой – сенатор Нейман. С него и начнем, решил Вольдемар. А дальше? Дальше будет видно, главное начать.

– Сам до этого дошел? – Судя по тону, сенатор был не очень доволен прочитанным. – А это что еще за закон «всеобщей нехватки денег»? Никогда не слышал. Тоже твое открытие?

– Мое. – Вольдемар пустился в разъяснения: – Количество денег в мире вообще, и в Республике в частности, ограничено. В то время как потребность в деньгах, необходимых для реализации желаний ее граждан, как в качестве отдельных индивидуумов, так и в качестве всевозможных организованных сообществ, бесконечна. Так как удовлетворить все желания всех граждан Республики в принципе невозможно, то денег на всех всегда не хватает. Нет, в каких-то локальных ситуациях может наблюдаться даже избыток денег, но если взять картину в целом...

– Ты мне зубы не заговаривай, – прервал его сенатор. – Развел демагогию, понимаешь. Можешь говорить конкретнее?

– Я и говорю. Забирая деньги на нужды войны, военные тем самым сокращают расходы на другие программы, что ведет к ухудшению экономической ситуации в Республике. Пока это не очень заметно. Но чем дольше идет война, тем больше денег она требует, а это в конце концов вызовет недовольство тех, кому они не достанутся.

– Ну, это даже флотскому офицеру понятно, – фыркнул Нейман. – Сейчас в основном режут социальные программы. Хочешь разыграть недовольство социально незащищенных граждан?

– Нет. От этих граждан никакого толка. Даже если удастся их как-то организовать и даже вывести на улицы, то это ничего не даст. Во-первых, войну это не прекратит. Во-вторых, им кинут крошки с бюджетного стола, и они успокоятся.

– Так и будет, – согласился Нейман. – Тогда кого ты планируешь взять себе в союзники?

– Нам. Нам в союзники, – уточнил Вольдемар.

– Хорошо, нам. И все-таки, кого? И как остановить войну? Здесь одного нашего желания недостаточно. Или у тебя уже есть план?

– Планом это назвать нельзя, но кое-какие соображения по этому вопросу есть. А что касается союзников, то они должны иметь не меньшие, чем военные, финансовые и лоббистские возможности.

– То есть?

– То есть это могут быть только представители горнодобывающей отрасли.

Нейман задумался надолго.

– Предположим, я с тобой соглашусь. Пока их продукция пользуется увеличенным спросом, и они всем довольны. Но основную долю прибыли сейчас получают не они, а оружейники, электронщики и машиностроители. Когда это до них дойдет, они могут просто потребовать увеличения своей доли, и все.

– Нет, не все, – не согласился Дескин. – Сейчас мы строим корабли, поднимаем в космос миллионы тонн дорогостоящей стали и там гробим, топливо жжем кубическими километрами. И все это отрываем от своей промышленности, на обновление основных фондов средств идет все меньше. И горняки с энергетиками почувствуют это первыми. И вот когда до них дойдет...

– То будет уже поздно, – поморщившись, закончил Нейман.

Сенатор вытащил из потайного кармана карту памяти, вставил ее в свой переносной коммуникатор и вывел на экран содержимое одного из файлов.

– Читай. А то можно подумать, что ты один о судьбе Родины думаешь, а я тут только штаны протираю.

Текст представлял собой нечто среднее между докладом и аналитической запиской. Никаких ссылок на первоисточники не было, но не из головы же взял эти цифры сенатор, где-то нашел. А цифры были интересные. И математика была хитрая. Впрочем, со времен академии высшую математику, как и статистику, Вольдемар уже успел основательно подзабыть. Поэтому не очень понял, зачем нужно анализировать рост военных расходов по второй производной, но когда дошел до выводов... О, выводы были очень простыми и еще более интересными. При сохранении существующих тенденций, через девять лет, плюс-минус один год, эта вялотекущая война перейдет в войну на истощение с непредсказуемым результатом. А завершится она лет через двадцать, плюс-минус два года. При этом в ходе боевых действий с обеих сторон погибнут около двадцати миллиардов человек. Плюс два, минус три миллиарда.

– Двадцать через двадцать, – задумчиво произнес Вольдемар.

– Что? – не понял сенатор.

– Я говорю, что через двадцать лет погибнет двадцать миллиардов.

– Но это все не точно...

– Ну да. Год туда, год сюда. Двумя миллиардами больше, тремя меньше. Какая разница? Где же мы их всех хоронить будем? Целую планету под кладбище отвести придется.

– А вот об этом ты не волнуйся. Космос – он большой, в нем и пятьдесят миллиардов сгинут, и сто. Ты лучше думай, как все это остановить. И учти, времени остается не так много, как кажется. Я, конечно, не психолог, но думаю, что через три-четыре года заряд взаимной ненависти станет слишком велик, и остановить эту бойню будет уже невозможно. Пока обыватель ежедневные сводки с мест боев читает между спортивными новостями и светской хроникой, у нас есть шанс, но когда эти сводки вылезут на первый план, вот тогда будет уже поздно.

Теперь задумался Вольдемар.

– То есть у нас еще есть три года.

– Я бы сказал, два, – поправил его Нейман. – Но рассчитывать надо на год. В течение ближайшего года все решится.

– Никому не показывали? – Вольдемар Дескин кивнул на экран коммуникатора.

– Упаси господи. Тебе первому. Узнает тот, кому знать не следует, что мы тут замыслиаем, мне быстро несчастный случай организуют, а ты штрафной ротой уже не отделаешься. На скользкую дорожку вступаете, господин капитан третьего ранга.

– Я ее сам выбрал, – ответил Вольдемар. – Так что поздно пить боржом...

В этот раз Нейман был в кабинете не один. Кроме него присутствовал невысокого роста старичок с венчиком седых волос вокруг блестящей лысины. При первом взгляде на гостя на ум пришло определение «дедушка», навскидку Вольдемар дал ему лет семьдесят. При встрече на улице его можно было принять за провинциального бухгалтера, чему способствовали очки в простой стальной оправе, прикрывающие близорукие глаза, и мешковатый недорогой костюм. Однако сидели оба за небольшим приставным столом. Нейман покинул свое рабочее место и сел напротив гостя, что указывало на его, как минимум, равный статус, а скорее всего, тот находился на более высокой ступени местной иерархии, чем сам хозяин кабинета. Это предположение Вольдемара тут же подтвердилось.

– Заместитель председателя нашего комитета сенатор Тасселер, – представил гостя Нейман. – Капитан третьего ранга Дескин.

– Рад знакомству.

Вольдемар подошел к столу и пожал сухую крепенькую руку приподнявшегося из-за стола «дедушки», потом поздоровался с хозяином.

– Присаживайся. – Нейман указал на стул.

Когда Вольдемар сел, слово взял гость. Вот теперь стало ясно, кто здесь главный. Судя по манере речи и повадкам гостя, «дедушка» был тем хвостом, который привык крутить собакой.

– Я внимательно прочитал ваши соображения, сенатор, а также ваши, капитан. Все это, конечно, очень интересно, но, как вы понимаете, требует основательной проверки, а также подтверждения из других независимых источников.

И Вольдемар, и Нейман молча согласились с данным утверждением.

– У вас, сенатор, проблема вскрыта гораздо глубже, что неудивительно. По своему служебному положению вы имеете доступ к тем материалам, которых был лишен капитан Дескин. Однако, диагностировав болезнь, вы не предлагаете методов ее лечения.

Тасселер сделал паузу и посмотрел на Неймана, ожидая его возражений. Возражений не последовало, и зампреда сенатского комитета продолжил. На этот раз он обратился к Вольдемару:

– У вас, капитан, имеется некое весьма туманное подобие плана дальнейших действий. Но все, что вы предлагаете, настолько расплывчато и неопределенно, что воспользоваться им прямо сейчас просто невозможно, он требует основательной доработки. И вообще, все настолько глупо и непрофессионально, что может даже получиться.

Сам Дескин был категорически не согласен с оценкой своего плана, данной сенатором Тасселером. Профессиональным разведчиком «дедушка» явно не был. То ли эмоции Вольдемара слишком явно отразились на его лице, то ли заместитель председателя сенатского комитета по вечерам баловался телепатией.

– Я, капитан, в разведке никогда не служил, но в политике уже почти полвека, четвертый срок в сенате нахожусь. За это время много всяких планов видел и в каких только комбинациях не участвовал. Поэтому если я говорю, что план надо доработать, то его нужно доработать.

Тасселер впился взглядом в Вольдемара, ожидая его реакции, тот постарался сделать «морду ящиком».

– Есть доработать!

В голову некстати пришла мысль, что авторитет сенаторов измеряется теми же величинами, что и у уголовников, – сроками.

– Вот и займитесь этим. Свое мнение по вашим материалам я сообщу позже, после проверки. Всего хорошего, господа.

Тасселер поднялся, давая понять, что разговор закончен. С Нейманом и Дескиным попрощался за руку. После того как за ним закрылась дверь, Вольдемар поинтересовался у Неймана:

– Ну и кто это был?

– Глава энергетического лобби в сенате, серый кардинал добывающей промышленности. За ним стоят такие деньги... – Нейман выразительно закатил глаза к потолку.

– Неделю руку мыть не буду. К таким деньгам прикоснулся, – съязвил Вольдемар. – А по виду и не скажешь.

– Я же говорю, серый кардинал. Фигура не публичная. Председателя нашего комитета ты в новостях можешь регулярно видеть. Представительный мужик, солидный и одет на миллион. Но он – кукла, ширма, Тасселер вертит им как хочет.

– Ладно, понял. А меня-то сюда зачем он притащил?

– Лично хотел взглянуть. Да-да, не смейся. Он из этого короткого разговора вынес намного больше, чем сказал. Ему личное впечатление о человеке гораздо важнее всяких планов. Цифры можно проверить, план доработать, людей не переделать. Вот он и смотрел, можно с тобой дело иметь или нет. И заметь, сам сюда пришел, не к себе пригласил.

– Ну, это как раз понятно. Появление флотского офицера в его приемной может привлечь внимание. Вероятность этого, конечно, невелика, но вдруг. А так зашел капитан Дескин к старому другу сенатору Нейману, а у того совершенно случайно сидит сенатор Тасселер. Поговорили пять минут и разошлись. Ни один стукач внимания не обратит.

– Если Тасселер свое драгоценное время нам уделил и с ходу идею не отверг, то половину дела мы уже сделали. Если кто и сможет сдвинуть эту махину, то только он.

– Вам виднее, господин сенатор. Я в этой кухне слабо разбираюсь. До свидания, надеюсь, до скорого.

– Вокруг нашего злейшего друга в сенате в последнее время началась какая-то непонятная возня.

– Что-нибудь необычное?

– Нет, вроде обыкновенная канцелярская переписка, но уж очень активно она идет. За последнюю неделю его канцелярия запросила массу статистической информации, а к ее обработке они привлекли аналитический отдел «Спейс энерджи». О чем именно идет речь, узнать, к сожалению, не удалось.

Уильям Кагершем откинулся в кресле и с усмешкой посмотрел на своего помощника, отвечающего за связи с государственными структурами:

– Чего вы всполошились? Это же его работа. Наверняка опять будут требовать увеличения цен на ракетное топливо или увеличения ассигнований на строительство новых электростанций. Пока у нас в сенате большинство, наш «друг» не очень опасен.

Помощник рискнул испортить шефу благодушное настроение:

– Ротация членов сената продолжается, в течение ближайших шести месяцев соотношение сил может измениться не в нашу пользу. На смену тем, кого удалось протолкнуть на волне патриотического подъема, приходят прагматики. Лоббировать дальнейшее увеличение военных расходов станет труднее.

Кагершем поморщился:

– Это действительно проблема. Вот и займитесь этим, прагматики тоже любят деньги.

Все было как в шпионском кино. Автомобиль с наглухо затонированными стеклами подхватил Вольдемара в безлюдном проезде. Салон был разделен глухой перегородкой, кто вел машину, Дескин так и не увидел. Покрутившись по улицам минут двадцать, видимо, проверяя, есть ли слежка, машина повернула в какую-то подворотню, и сразу за ней опустились ворота подземного гаража. У машины моментально выросли два охранника, один открыл дверцу, второй вежливо предложил пройти сканирование сетчатки глаза. Убедившись в том, что приехавший действительно является Вольдемаром Дескиным, также вежливо и невозмутимо предложил:

– Пожалуйста, следуйте за мной.

Пока дошли до лифта, Вольдемар успел увидеть три роскошных лимузина, занявших специальные удлиненные парковочные места. Скоростной лифт стремительно вознес их куда-то на верхние этажи высотного здания. На выходе из лифта еще одна проверка, и уже другой охранник проводил Дескина к конечной точке маршрута. Ею оказался небольшой зал заседаний топ-менеджмента корпорации «Спейс энерджи». Логотип компании занимал одну из стен зала почти полностью. В центре зала стоял большой круглый стол, а вокруг него десятка полтора кресел, по сравнению с которыми погибшее в пламени горящего космопорта кресло военного коменданта выглядело банальной табуреткой. Однако телу Вольдемара не удалось почувствовать удобство одной из этих совершенных конструкций, для него предназначался обычный офисный стул около стены.

Кроме него в зале находились еще несколько человек – технические сотрудники, один из них сидел за каким-то хитрым электронным агрегатом. «Контролирует защиту от прослушки», – догадался Вольдемар. Через несколько минут двери распахнулись, в зал пожаловали хозяева жизни. Дескин сразу понял, что подсчитывать входящие в зал миллиарды бесполезно, проще сразу перейти к триллионам. Кроме Тасселера, никого из вошедших он не знал. На это собрание сенатор вырядился в шикарный костюм от какого-то разрекламированного столичного гомика. Впрочем, на его фигуре он сидел таким же мешком, как ширпотреб, который он носил каждый день, но положение обязывало.

Место под логотипом «Спейс энерджи» занял представительный мужчина лет шестидесяти, справа от него расположился Тасселер, остальные разместились вокруг стола. Три кресла остались пустыми. Вольдемар пересчитал основных действующих лиц – двенадцать.

«Суеверным становлюсь», – подумал он.

Первым слово взял Тасселер:

– Начнем, господа. Все вы уже получили аналитические материалы по геополитической обстановке на ближайшее время и двадцатилетнюю перспективу и успели ознакомиться с ними...

Со стороны речь сенатора напоминала лекцию профессора, которую он читал пятидесяти- и шестидесятилетним студентам. Слушали его внимательно, не перебивая. Наконец, через несколько минут Тасселер перешел к основной цели встречи:

– На этом совещании нам предстоит решить, надо ли ввязываться в драку за сенатское большинство, к которой мы еще не готовы, или пустить все на самотек. Хочу отметить, что решение должно быть единогласным, нам потребуются все наши ресурсы. Прошу вопросы, господа.

– Насколько мы можем доверять представленным прогнозам?

Широкая спинка кресла закрывала говорившего от Вольдемара.

– У ваших аналитиков не было времени для того, чтобы проверить все цифры, но первичную проверку они, я предполагаю, уже провели. Еще у кого-нибудь есть сомнения?

Ответом было молчание, больше никто не сомневался. Следующий вопрос задал джентльмен, сидевший справа от сенатора:

– А наши... соперники знают о том, куда они ведут Республику?

– Думаю, нет.

– Так может, мы просто поделимся с ними информацией?

– Во-первых, это не остановит наших врагов, проблему с ними все равно придется решать. Во-вторых, получив от нас такую информацию, все лавры миротворца Кагершем просто присвоит себе. Или кто-то думает, что он с нами поделится?

Никто так не думал. Тасселер, выдержав паузу, продолжил:

– Наша задача не просто остановить войну, пока она не переросла во вселенскую бойню, но и вернуть себе власть. А для начала нам нужно получить большинство голосов в сенате. А вот это, – палец сенатора уперся в стоящий перед ним экран коммуникатора, – сильнейший козырь в предстоящей игре.

– Значит, несколько дополнительных голосов в сенате для вас важнее нескольких миллиардов, которые погибнут, если мы...

Говоривший опять был закрыт от Вольдемара массивным креслом.

– Не передергивайте, – вмешался представительный джентльмен, сидевший под логотипом компании. Дескин никогда не видел его раньше, но каждый, кто хоть иногда открывал экономические новости Республики, не мог не узнать Хуго Баумлера – председателя совета директоров крупнейшей топливной и энергетической компании Республики. – Мы сделаем все, чтобы предотвратить дальнейшее расползание войны. Если для этого потребуются отдать информацию Кагершему, то это будет сделано.

– Если этот сценарий реализуется, то мы будем отброшены на сто лет назад, – поддержал Баумлера сенатор. – Нашим внукам придется делать то, что сделали для нас наши деды, а мы бездарно про... профукали.

Похоже, Тасселер был не так спокоен, как казалось. Вон как раскраснелся, как бы его удар не хватил. Все-таки на кону стоит не очередной инвестиционный проект, а судьба двадцати миллиардов жизней. И не похоже, чтобы он на публику работал, телекамер здесь нет, собрались только свои. Кто бы мог подумать, что этот серый кардинал от энергетики глубоко в душе романтик? Ну где-то очень глубоко.

– Все ясно. Предлагаю закрыть дискуссию и перейти к голосованию, – высказал свое мнение кто-то из «невидимок».

– Согласен, – поддержал его Баумлер. – Прошу голосовать, господа. Кто «за»?

Первыми подняли руки Тасселер и Баумлер. Действия некоторых присутствующих были не видны Вольдемару, но по мимике сенатора он понял – единогласно. Вот так, простым голосованием, иногда и решаются судьбы войны и мира. Не при диктатуре живем, при республике.

Дальнейшее обсуждение конкретных шагов по обеспечению большинства в сенате было малоинтересным для Вольдемара. Во внутривластных раскладах он разбирался слабо, и кого собравшиеся господа собирались перетянуть на свою сторону, а кого просто купить, ему было неинтересно. Звучавшие в зале имена ничего ему не говорили. Вольдемар начал скучать, но втихую смыться с заседания не рискнул. Зачем-то же его пригласили, явно не для того, чтобы выслушивать эту дискуссию. Кстати, Неймана пригласить никто не потрудился.

Наконец собрание закончилось, все стали прощаться друг с другом. Технические сотрудники начали выходить из зала, за ними попытался прошмыгнуть и Вольдемар. Однако попытка оказалась неудачной. На самом пороге его остановил голос Тасселера:

– А вас, Дескин, я попрошу остаться.

Предчувствие не обмануло Вольдемара, с окончанием совещания его неприятности только начинались. Место действия переместилось из зала заседания в кабинет Баумлера, находившийся на том же этаже небоскреба. Кроме хозяина кабинета, естественно, присутствовал сенатор Тасселер. «Дедушка» из комитета по закулисным интригам сразу перешел к сути дела:

– Капитан, вы можете взять в своем штабе месячный отпуск?

– Зачем? – насторожился Вольдемар.

– Поедете налаживать связи с имперской военщиной. С внутренними делами мы как-нибудь без вас разберемся.

Капитан третьего ранга Дескин уже был их, со всеми потрохами, и Тасселер прямо, не стесняясь, отдавал ему приказы. Баумлер пока молчал, но чувствовалось, что их общая позиция уже обговорена и согласована.

– Но почему именно я? Я же не имею никакой агентурной подготовки, – попытался сопротивляться Вольдемар, понимая всю безуспешность своей попытки.

– Во-первых, вы сами этот план предложили, вам и выполнять. Во-вторых, с имперскими военными вы договоритесь быстрее, чем любой наш агент. Вряд ли они вообще будут разговаривать с республиканским шпионом, у настоящего боевого офицера шансов будет больше.

– А агентурная подготовка вам и не потребуется, – поддержал сенатора Баумлер. – Будете действовать под своим именем, а дипломатическое прикрытие мы вам обеспечим.

Если бы Вольдемар не сидел в кресле, то он бы уже лежал на полу. Ноги стали ватными. Вот это подстава! Если его имя где-нибудь всплывет, то кто его будет прикрывать от адмирала Кагершема? Ну, уж явно не эта парочка. Однако вставать и хлопать дверью уже поздно, слишком много услышал, а кое-что и сам предложил. С такими знаниями долго не живут. В одиночку. В команде Тасселера еще есть шанс, он им сейчас нужен. Пока нужен. А дальше? Дальше будет видно.

– Хорошо, я согласен.

Собеседники не смогли скрыть некоторого удивления. Они готовились к долгому разговору, в котором придется ломать и дожимать жертву, а тут она сама бросается в объятия, уже ко всему готовая. Тасселер позволил себе благодушно расслабиться и почесать прирученного зверька за ухом:

– Вот и прекрасно. Ваша миссия будет щедро профинансирована, в представительских расходах не стесняйтесь. Если надо будет кому-нибудь дать для ускорения дела, то дайте. Не стесняйтесь в средствах для решения поставленной задачи, она того стоит. Когда будете готовы к поездке, сообщите мне через нашего общего друга. Время у нас еще есть, но сильно не затягивайте.

– А куда мне предстоит ехать и с кем контактировать? – перешел к деталям Вольдемар.

– Пока у нас нет личности контактера. Вы выдвинули слишком противоречивые требования, – ответил Баумлер. – А пока нет личности, нет и места. Но мы ищем, ищем.

– Ваши психологи согласились со мной, – постарался отстоять свою позицию Дескин.

– Да, конечно, – вмешался Тасселер. – Но, согласитесь, очень трудно найти боевого офицера императорского флота, желательного прошедшего через проигранное сражение, а еще лучше, раненного в нем. К тому же он должен обладать выходом на императорское окружение, а сейчас находится на нейтральной планете.

– Может, все-таки попробуем через разведчиков? – вмешался Баумлер.

– У нас, конечно, есть свои люди в разведках разных ведомств, но провести целую операцию втайне от наших противников просто невозможно. Кто-нибудь непременно настучит, – отверг предложение сенатор. – К тому же разведчики увязнут в своих шпионских играх, и мы потеряем время. Капитан Дескин прав, военные договорятся быстрее, в конце концов, именно они, а не разведчики, несут на себе основную тяжесть войны. Поэтому антивоенные настроения среди них должны быть сильнее, по крайней мере, у отдельных индивидуумов. Да и такого хода никто от нас не ожидает, а неожиданность дает больше шансов на успех.

– Попробуйте среди помощников военных атташе, – подсказал Вольдемар. – Насколько я знаю, эту должность ввели для сыновей высокопоставленных имперских чиновников, не годных к дальнейшей службе в армии и флоте. А во время войны можно оказаться не годным к строевой только по причине ранения.

– Не только, – остудил его сенатор. – Я точно знаю. У нас также увеличили штаты военных атташе с целью пристроить туда не годных к службе после ранения, но туда набилось столько всякой швали... Но идея хорошая, надо попробовать. – Взгляд Тасселера обратился к хозяину кабинета.

– Поищем, – подтвердил Баумлер. – Обязательно поищем. И найдем.

Найдут, кто бы сомневался. По своим возможностям разведка «Спейс энэрджи» только военным и уступает. Правда, нацелена она на промышленный шпионаж, но найти подходящего офицера среди имперских военных ей вполне по силам. Однако, похоже, разговор подошел к концу, пора откланиваться.

– Мне кажется, в моем дальнейшем присутствии нет необходимости.

– Правильно кажется, – хохотнул Баумлер. – До свидания, капитан. Вас проводят.

Двое удачных переговоров за несколько часов подняли настроение председателя совета директоров, и обычные человеческие эмоции прорвались сквозь маску невозмутимости. Тасселер был более дипломатичен:

– Всего хорошего, капитан. Жду от вас известий, надеюсь, хороших.

Однако оба встали из-за стола и попрощались рукопожатием. Прощались уже со своим.

Приблизительно во время прощания Дескина с Тасселером и Баумлером на другом конце города в другом небоскребе состоялся разговор, имеющий непосредственное отноше-

ние к нашему герою. Говорившие были давно знакомы, более того, они были родственниками. Поэтому говорили друг с другом прямо, без дипломатических маневров.

– Тебе нужно увеличение расходов на военные нужды?

– Как и тебе!

– Хорошо, – согласился бизнесмен Кагершем. – Это увеличение нужно нам обоим, да и не только нам. Но пойми, без хорошей информационной обработки населения нам очень трудно будет протащить в сенат нужное количество своих людей. У оппозиции будет шанс зарубить наши предложения на корню.

– А что могу сделать я? – поинтересовался адмирал Кагершем.

– Ты можешь дать хороший информационный повод. Нам нужны хорошие новости. Например, небольшая победоносная заварушка.

Адмирал недовольно поморщился:

– Только подлатали какое-то количество крейсеров, да кое-что достроили, как ты предлагаешь опять все спалить?

– Что ты трясешься над своими крейсерами? Я тебе еще построю, были бы деньги. А без победных реляций с мест боев денег не будет.

– Ладно, – сдался адмирал. – Есть у меня некоторые мысли по этому поводу. Но предварительно надо будет решить кое-какие проблемы.

– Помочь? – оживился бизнесмен.

– Не надо, – отказался адмирал. – Для решения этой проблемы у меня есть другой человек.

Другим человеком для решения проблемы адмирала Кагершема был капитан третьего ранга Вольдемар Дескин.

Глава 5

Спасатель

Что нужно, чтобы задержать пассажирский лайнер нейтральной планеты в ее космическом пространстве? Нужна огромная куча наглости, ну, и ракету ему в корму всадить. Однако если ракета попадет в него при разгоне перед прыжком, то из-за остановки одного, а то и двух двигателей и разрушения дюз может произойти авария с человеческими жертвами. Вот тогда только ленивый не осудит действия распоясавшейся республиканской военщины. А какой визг поднимет пресса... Нет, ракету оставляем на самый крайний случай. Для торможения лайнера нужно впечатлить его капитана. Чем? Крейсером. Если на его пути возникнет республиканский крейсер и потребует сбавить ход... Только крейсер никто не даст, их и так мало. Остается сторожевик, а лучше два. Значит, так: два сторожевика догоняют лайнер и требуют тормозить. А если не затормозит? Тогда один сопровождает, а второй заходит с кормы и угрожает ракетным залпом.

Хорошо, лайнер прекратит ускоряться. Что дальше? Две штурмовые группы на двух катерах... Кроме двух сторожевиков потребуются еще и десантный корабль с двумя штурмовыми группами на борту, с этим проблем не будет. Катера заходят с разных бортов, подходят к ангарам лайнера... А если капитан откажется открыть порты? Тормозить-то он начнет, а порты не откроет. Придется резать, благо штурмовые группы к этому готовы. Но пока вскроют ворота портов, проникнут внутрь, потом затянут дырки герметиком и начнут проникновение внутрь судна, пройдет не меньше тридцати минут. За это время курьер успеет уничтожить информацию и покончить с собой, а брать его надо живым. Как он может покончить с собой? Повесится? Шутка. А вот ампула с ядом у него точно будет с собой. Даже если курьер не фанатик, то все равно он прекрасно понимает, что с ним сделают на допросе.

Кстати, а кто сказал, что курьер будет один? Наверняка с ним будет сопровождающий, и у сопровождающего наверняка будет приказ ликвидировать курьера при угрозе его захвата. А чем они могут быть вооружены? Протащить лазер на борт нейтрального лайнера им никто не даст, а вот острую железку длиной до полуметра вполне могут прихватить. Есть умельцы помахать сталью в невесомости. Даже если они очень сильно захотят жить, то им достаточно просто прикинуться обычными пассажирами. Ни их имен, ни примет у нас нет, только дата рейса и название лайнера, попробуй вычисли их за несколько минут среди сотни пассажиров. К тому времени, когда мы до них доберемся, вся система будет знать о пиратском нападении республиканцев на нейтральный лайнер. А там и местные вояки захотят вмешаться.

Чем больше Вольдемар думал над планом захвата курьера, тем больше убеждался, что задача неразрешима. Все его планы имели даже не нулевую, а скорее отрицательную вероятность успеха. Конечно, отрицательной вероятности быть не может, но данный случай, видимо, был исключением. Нет, все не так, все не годится. Стандартный вариант захвата не пройдет, нужно придумать что-нибудь необычное. Вольдемар откинулся в кресле и вспомнил вчерашний разговор.

– Доложите обстановку в системе Проциона.

Начальник штаба ВКФ уставился на капитана Дескина как кот на свежую сметану. Вольдемар чувствовал себя как на экзамене по тактике в академии, только в академии максимум, что могли сделать, так это вклеить «неуд», а здесь за неправильный ответ вдуют по самое «не могу». Откровенно говоря, увлеченный новыми делами, Вольдемар малость подзапустил дела службы и к этому вопросу был абсолютно не готов.

«А вот хрен вам, господин вице-адмирал, – обозлился Вольдемар, – голыми руками не возьмете, будем импровизировать».

Он быстро прокрутил в голове последние новости, стараясь вспомнить, где всплывет название Процион. Ничего, то есть абсолютно никаких упоминаний. Пять месяцев назад республиканцы притащили в систему Проциона свою орбитальную крепость и еще два месяца отбивали попытки императорского флота вышвырнуть их оттуда. Все попытки закончились огромными, в масштабе задействованных сил, потерями, и имперцы уползли зализывать раны, а республиканцы занялись тем же самым на месте. И вот уже три месяца там ничего не происходило, даже имперские разведчики не появлялись.

– В настоящее время в системе Проциона находятся следующие силы... – бодро начал Вольдемар, но был остановлен.

– Какие из наших кораблей там находятся, я и без вас прекрасно знаю. Что по противнику?

А что по противнику, если он там уже больше месяца не появлялся? Или вице-адмирал что-то знает? Какие у него могут быть источники, кроме флотской разведки? А в сводках разведывательного отдела Процион уже давненько не упоминался.

– Ничего, господин вице-адмирал, – отрубил Вольдемар. – За последние четыре недели противник в системе Проциона не появлялся, даже разведывательные корабли. Сосредоточения сил для деблокирования Панноны не замечено.

После того как система Проциона оказалась в руках республиканцев, одна из планет Империи – Паннона – оказалась отрезанной от остальных владений. Второй путь к Панноне проходил через нейтральный Зангар. Но для воюющего государства он был закрыт, блокада длилась уже почти пять месяцев.

– Это плохо. В ближайшее время они должны, просто обязаны провести конвой к Панноне.

Видимо, мимика опять подвела Дескина, расплата последовала незамедлительно.

– Каких стратегических ресурсов не хватает на Панноне?

Память услужливо подкинула: ядерного топлива для электростанций. Не то. Запасы этого добра измеряются годовыми потребностями, и в ближайшие пять-семь лет Панноне энергодефицит не грозит. Догадка блеснула как молния в южную безлунную ночь.

– Ракетного топлива для маршевых двигателей!

Стандартный запас этого добра – полугодовой. Если учесть, что пять месяцев уже прошло... Ну, даже с учетом экономии, еще два-три месяца, и топлива имперским кораблям останется только на поддержание стационарной орбиты, тогда их можно голыми руками брать. Прав господин начальник штаба, в ближайшее время имперцы попытаются провести конвой к Панноне. Не могут не попытаться.

– Наконец догадались. Мы не знаем ни времени проводки конвоя, ни его состава, ни сил эскорта. Поэтому можем не успеть сосредоточить силы, достаточные для уничтожения конвоя. Но...

Начальник штаба сделал глубокомысленную паузу. Вольдемар воздержался от комментариев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.